

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Международный круглый стол «Древняя Ольвия»

© 2010 г.

А. С. Островерхов

МАТЕРИАЛЫ К КОРПУСУ ГЛИПТИКИ ОЛЬВИИ ПОНТИЙСКОЙ (VI–I вв. до н.э.)

В статье дается характеристика ольвийской глиптики доримского времени. Типологически изделия распределяются на металлические и каменные перстни, каменные и стеклянные геммы. Известны также оттиски гемм и перстней на керамике. Доминируют инталии. Камеи появляются в позднеклассическое время. С точки зрения стиля исполнения изделия подразделяются на «восточнореческие» и «греко-персидские», между которыми четкой грани нет. Определенная часть гемм и перстней завозилась в Ольвию из метрополии. Значительная часть металлических перстней, каменных гемм и стеклянных реплик в классическое и эллинистическое время изготавливалась в северопричерноморских мастерских, в том числе и в Ольвии. С точки зрения потребления предметов глиптики в доримское время Ольвийское государство не уступало городам Боспора, Херсонесу Таврическому, полисам Западного и Восточного Причерноморья.

Ключевые слова: Ольвия, глиптика, ювелирное дело, геммы, перстни, инталии, камеи, восточнореческий стиль; греко-персидский стиль; нумизматика.

Наряду с письменными источниками и нумизматикой глиптика является одним из наиболее информативных источников по истории античного Причерноморья. Она позволяет проследить идеологические воззрения населения, экономические и культурные контакты того или иного центра в различные исторические периоды, а в ряде случаев фиксировать наличие, уровень развития и специфику местного ювелирного мастерства. Во все времена своего существования античная глиптика была тесно связана с монетным делом и искусством торевтики¹.

В античном мире геммы и перстни выполняли три предназначения: служили амулетами, печатями и украшениями. Иногда одно из этих предназначений

---

¹ Ср. Furtwängler 1900; Книпович 1926; Захаров 1928; Максимова 1937; 1956; Неверов 1971; 1976; 1978; 1983; Островерхов 2006; Treister 2000. О тесной связи монетного дела и глиптики в Северном Причерноморье свидетельствуют находки в ряде скифских курганов перстней, в которых в качестве щитков использованы монеты (Петренко 1978, 63; Chochorowski 1999, ph. 2; Бунятян, Фіалко 2009, 66–67, рис. 9, 1–2, табл. 2, 1–2).

преобладало, но чаще всего эти три оказывались неразрывно слитыми в одном изделии. Геммы носили на запястье, на шее или у пояса. Перстни надевали на пальцы рук. У знатных греков и римлян это был обязательный атрибут туалета и не только. Все предметы круглой формы² имели магические свойства, были преградой от действий злых демонов, защитой от болезней и житейских невзгод. Выбор перстня, геммы с изображением того или иного божества или символа, а также материала, из которого они изготавливались (Plin. NH. XXVIII. 19–20)³, было делом личным. Это помогает исследовать специфику народных верований и суеверий⁴.

Хотя геммы и перстни, а также их оттиски на глиняных и металлических изделиях часто находят на развалинах Ольвии и поселений ее округа⁵, однако в отличие от Боспора⁶, Херсонеса⁷, Никония, Тирь⁸, святилища Ахилла на острове Левке (Змеином)⁹, скифских¹⁰, позднескифских¹¹, сарматских и черняховских¹² памятников, эта категория материалов редко подвергается специальному исследованию и используется в трудах по истории полиса¹³. Назрела острая необходимость создания более или менее полного свода ольвийской глиптики.

На территории Ольвийского полиса произведения глиптики известны с архаического времени. В употреблении были металлические перстни, каменные геммы и их стеклянные реплики – литики. Геммы репрезентируются скарабеоидами¹⁴ и

² О его особых свойствах см. Бобринский 1902; Топоров, Мейлах 1992; Бауэр, Дюмотц, Головин 2000, 42; Чурсин 1929, 26; Рыбаков 1981, 242; Фрэзер 1986, 233–235.

³ У древних существовала вера в сверхъестественные свойства материалов: глины, металлов, самоцветов, их искусственных заменителей – стекла, «египетского фаянса» и т.д. Эти верования возникли еще на заре человеческой истории, но особенного популярными стали в античное время (Mely 1902; Дзиговский, Островерхов 2007). Подобные воззрения были широко распространены и в Нижнем Побужье (Русяева 1992, 167).

⁴ Неверов 1983, 5–9, 30.

⁵ Kibaltchitch 1910, 8–15, № 27, 32, 35, 38, 40–42, 44, 46, 52–54, 60, 64, 66, 69–70, 72, 75, 80, 82, 86, 90–94, 96, 107, 109, 114, 116, 146, 148, 151, 155–157, 175, 177, 179–180, 184–185, 195, 197, 202, 209, 213, 221–225, 240, 251–252, 257, 261, 263–264, 268, 270, 294, 301, 339–340, 346–347, 349, 357, 371, 378, 396, 401, 403, 411–413, 415, 419, 427; Максимова 1926, 4–6; 1937, 253–254.

⁶ Максимова 1957; 1962; Никулина 1964; Корпусова 1983, 61–64; Neverov 1995.

⁷ Щербакова 1981; 1983; 1986.

⁸ Клейман, Коциевский 1991; Батизат 1994; Батизат, Островерхов 2001; Бруяко, Островерхов 1993; 1997; Островерхов, Батизат 2002; Островерхов, Охотников 1997; 1997а.

⁹ Охотников, Островерхов 1993, 62–69.

¹⁰ Болтрик, Островерхов 1989; 1992; Болтрик, Фиалко 2007; Березова 2001; Островерхов, Редина 1991.

¹¹ Высотская 1980.

¹² Батизат 1997; Дзиговский, Островерхов 2000; 2006.

¹³ Исключения: Крапивіна 1989; Скржинская 1986; 1987; Островерхов, Охотников, Редина 1994; Буйских, Островерхов 1997; Охотников, Островерхов 1993а.

¹⁴ Литиками называются стеклянные реплики гемм. Термин происходит из греческой кальки одного из древнеегипетских названий стекла – λίθος χυτή или же λίθινα χυτά («растекающийся камень», «плавленый камень») (Deroy 1981, 84–85; Щапова 1983, 63). Вторая часть термина характеризует форму гемм, воспроизводящих внешний вид скарабеев. «Это насекомое во все времена истории Египта играло чрезвычайно большую роль в религии и мифологии; оно было воплощением жизни, самовозрождения» (Коростовцев 1976, 24). Из Египта амулеты с изображением жуков распространи-

«ахаменидскими» цилиндрическими печатями-пронизьями. Большинство перстней и гемм – это инталии. В истории глиптики камеи появились относительно поздно. Как стабильное явление, они начинают фиксироваться на рубеже поздней классики и раннего эллинизма¹⁵.

В оформлении ранних гемм и перстней исследователи выделяют два основных направления: «восточно-греческое» и «греко-персидское»¹⁶. Если в первом направлении видят продукцию восточногреческих центров, то в отношении второго единого мнения нет. Одни ученые¹⁷ отстаивают точку зрения эллинского авторства этих печатей. Другие исследователи, настаивая на их персидском происхождении, в то же время признают влияние восточногреческого искусства на формирование мастерства авторов этих произведений¹⁸. По мнению Н.М. Никулиной, места изготовления произведений глиптики, выполненных в традициях «восточно-греческого» направления, сосредоточивались в городах по побережью Малой Азии и на некоторых близлежащих островах, а также в центрах резиденций некоторых персидских и местных правителей, при дворах которых работали греческие художники, резавшие чеканы для монет и исполнявшие заказы местной знати. Места фабрикации «греко-персидских» гемм и перстней располагались в южных и юго-западных районах Анатолии, главным образом в Ликии и Карию¹⁹. Некоторые исследователи предполагают, что в ряде городов Северного Причерноморья существовало собственное производство стеклянных скарабеоидов. Технология создания отливок была настолько простой, что «не требовалось школы и долгих традиций для налаживания производства подобных копий каменных гемм, возможно, служивших дубликатами печатей городских магистратов или храмов...». О местном производстве стеклянных скарабеоидов может свидетельствовать наличие на некоторых из них дополнительных элементов, характерных для звериного стиля Северного Причерноморья²⁰.

Сюжеты, встречаемые на ранних произведениях ольвийской глиптики, можно распределить на три группы: 1) изображения реальных и мифологических животных; 2) человеческие лица и фигуры; 3) многофигурные мифологические и аллегорические и сцены.

Анималистическая тематика в глиптике всегда занимала одно из ведущих мест. Изображения животных были одним из главных жанров на ближневосточных и эгейских геммах IV–II тыс. до н.э.²¹ Для многих архаических и раннеклассовых обществ была характерна такая форма общественного сознания, в которой вся природа, все космические и социальные силы выступали в зве-

---

лись по всему древнему миру. Особенно характерным это явление было для античного времени, когда начался процесс синкретизации египетских и греческих культов. В античном мире религиозные воззрения египтян были популярными и, трансформировавшись, стали частью античной синкретической культуры. Для индоевропейца скарабей также был хтоническим символом мирового значения, близким к сотворению мира (Коростовцев 1957; Виноградов 1968; Корпусова 1983, 82; Эдаков 1990).

¹⁵ Неверов 1988.

¹⁶ Никулина 1994.

¹⁷ Furtwängler 1900.

¹⁸ Книпович 1926; Максимова 1937; 1956.

¹⁹ Никулина 1969, 112, 117.

²⁰ Неверов 1983, 108; Островерхов 2006, 151.

²¹ Неверов 1983, 26.

риных обличьях²². Это в полной мере касается и древних эллинов, у которых антропоморфный и зооморфный символизм сосуществовали и дополняли друг друга²³.

На памятниках ольвийской глиптики представлены изображения хищников, травоядных и мифологических животных. В таком специфическом наборе образов отражалась троичная модель мира, соотносимая с тремя уровнями космической модели. Здесь средствами зооморфного кода выражалась идея о трехчленной вертикально проецируемой системе: птицы – копытные – хтонические животные. Птицы связывались с небом, копытные – с реальным земным миром, а хтонические животные – с подземным царством²⁴.

Среди хищных животных особенно часто воспроизводился образ льва. Одними из наиболее ранних произведений этого жанра являются два ионийских серебряных перстня с изображениями зверей, происходящие из некрополя Ольвии позднеархаического времени. На одном из них щиток в виде картуша, на втором – ромбовидный щиток, украшенный по углам электровыми гвоздями. Последний перстень имеет массивную, расширяющуюся книзу «стремявидную» дужку и остролистовидный щиток. На одном из перстней зверь с поднятым хвостом, на другом – готовится к прыжку. На изделиях прослеживаются все характерные черты позднеархаического искусства – «эвритмии», главными из которых были ритм, симметрия и равновесие²⁵.

На одном из стеклянных скарабеоидов V–IV вв. до н.э. (ИИМК, Ол-2779/135; Ол-1969, раск. E-VIII, пом. IX) изображена профильная фигурка лежащего льва (рис. 1, 1). Подобные сюжеты хорошо известны в Средиземноморье²⁶ и на северных берегах Черного моря – на Боспоре²⁷, в скифских²⁸ и меотских²⁹ памятниках. В пользу производства предметов глиптики с изображением профильных львиных фигур в древнегреческих городах на северных берегах Черного моря может свидетельствовать появление этого зверя на монетах Пантикапея. Идентичное курджипскому изображение встречается на монетах города 359–349 гг. до н.э.³⁰

В 1993 г. на участке некрополя в районе Широкой балки, в погребении 5/1993 (236), на левом безымянном пальце женщины 45 лет был обнаружен бронзовый перстень с гравированным щитком – козел в стиле «вытянутого галопа» (рис. 2, 1)³¹. Хотя по сопровождающему материалу комплекс датируется концом IV в. до н.э., перстень относится к более раннему времени. Об этом свидетельствует «листовидная» форма щитка, что позволяет датиро-

²² Бессонова 1983, 77.

²³ Кагаров 1913; Лосев 1957; Nilsson 1974; 1976.

²⁴ Бессонова 1983, 77; Раевский 1985, 111; Островерхов 2005, 219.

²⁵ Максимова 1956, 438–439, рис. 1; Неверов 1983, 36; Скржинская 1986, 180–181.

²⁶ Beazley 1920, 68, № 82.

²⁷ ДБК 1848. Атлас, табл. XVI, 88, 110; ОАК за 1859 г., IX; ОАК за 1860 г. Атлас, табл. IV, 11; ОАК за 1882–1888 гг., CLXX; Лаппо-Данилевский, Мальмберг 1894, 70–71, 157–159, табл. IV, 6; ГЭ. PAN, № 1906/3; 1913/32 и др.

²⁸ Островерхов 1996а, 367, рис. 1, 1; 2006, 135, рис. 1, 5; 2, 1; 3, 1; Островерхов, Охотников 1996, рис. 9, 5.

²⁹ Галанина 1980, 42, 98, кат. № 33.

³⁰ Анохин 1986, табл. 3, 99.

³¹ Островерхов, Папанова 2009, 117, рис. 1, 1.

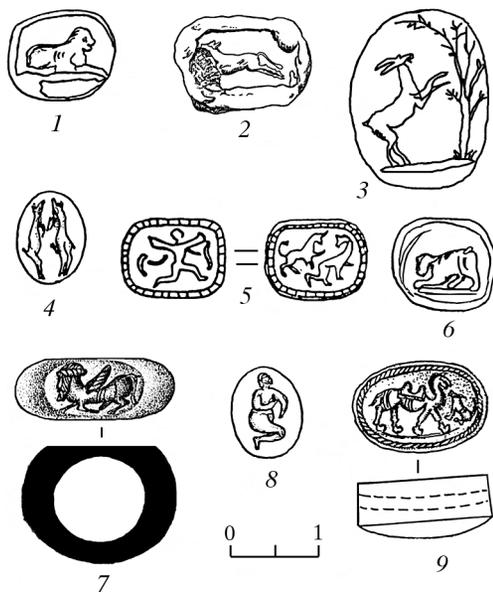

Рис. 1. Раннеантичные геммы, перстни и их отпечатки на керамике из Ольвии и Березани

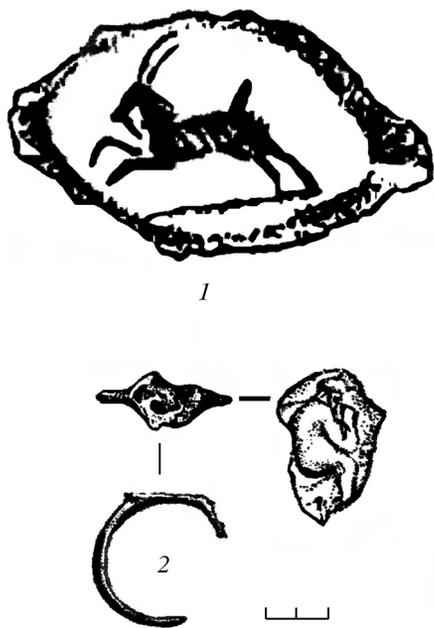

Рис. 2. Бронзовые перстни из раскопок некрополя Ольвии в 1993 г.

вать его не позже середины – третьей четверти V в. до н.э.³² Предметы глиптики, находимые в могилах, почти всегда старше прочих артефактов из погребений³³. Стилистической аналогией изображению является печать с сюжетом «летающего» горного козла³⁴. К этому же времени следует отнести и сердоликовый скарабеоид с изображением приносимого в жертву горного козла³⁵. Из Ольвии происходит аметистовый скарабеоид с изображением козла у дерева (рис. 1, 3)³⁶.

Особое внимание привлекает ручка фасосской амфоры конца V–IV в. до н.э. из Ольвии³⁷, на которой помещен отпечаток металлического перстня³⁸ с изображением бодающихся козлов (рис. 1, 4). Изображение копытных в геральдической позе – один из любимых сюжетов в глиптике³⁹. Геммы с подобными сюжетами известны с позднеархаического времени, но особенно популярными стали

³² Неверов 1983, 50; 1984, табл. CLX, 1–10; 1986, 18–19, табл. 2–3; Neverov 1995, Tab. XI.

³³ Неверов 1983, 45.

³⁴ Furtwängler 1900, Taf. XI, 21; Никулина 1969, табл. 1, 16.

³⁵ Kibaltchitch 1910, № 32.

³⁶ Ibid., № 53.

³⁷ Придик 1917, табл. XV, 28; Неверов 2000, 30, рис. 4.

³⁸ Отгисками специальных штампов (Никулина 1981, 64 сл.), а также личных печатей владельцев мастерских, агораномов и других должностных лиц удостоверялось качество продукции. Подобное «частное» клеймение было эквивалентом подписей типа «Такой-то сделал» на расписных вазах (Неверов 2000, 27).

³⁹ Furtwängler 1900, Taf. III, 26; XVII, 68; Lippold 1923, Taf. XCI, 7; Boardman 1975, № 653.

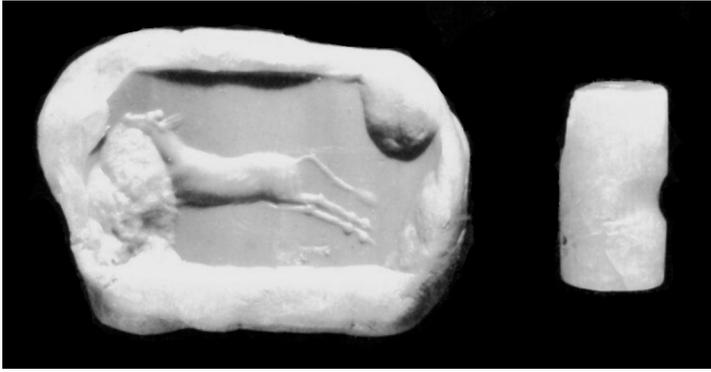

Рис. 3. «Ахеменидская» сердоликовая печать из Ольвии (фото – оттиск)

в V–IV вв. до н.э. Их находят не только в городах Северного Понта, но и в Скифии⁴⁰. Наличие оттисков печатей на фасосских амфорах позволяет предполагать, что часть подобных гемм и перстней имеет фасосское происхождение. Мотив связан с идеей организованного пространства, «определявшей в течении долгого времени модель мира человеческих коллективов Старого и Нового Света». Изображение схватки итифаллических козлов было дионисийской эмблемой⁴¹.

Интерес вызывает сердоликовый «ахеменидский» цилиндр с изображением лани в стиле «вытянутого галопа» (рис. 1, 2; 3; ИИМК. Ол. 1953. Раск. Е, № 1182/22)⁴². Подобные печати датируются VI–IV вв. до н.э. В Северном Причерноморье они часто носят следы вторичного использования⁴³. Наше изображение выполнено в лучших традициях восточно-греческого искусства. Следует обратить внимание на близкое сходство лани на цилиндре и животного на костяной заготовке (рис. 4, 3), происходящей из того же города. Сюжет позаимствован из вазописи⁴⁴. На северных берегах Черного моря мотив лани был популярен на протяжении многих столетий. Ее изображение вновь видим на пантикапейских дидрахмах и херсонесских монетах 90–80 гг. до н.э.⁴⁵

К прямому или опосредствованному ольвийскому импорту в Скифию мы относим скарабеоидную печать из бирюзового стекла на подвижной золотой дужке, происходящую из погребения воина середины – второй половины V в. до н.э. в кургане 9 у с. Васильевка на Ингульце. На плоской стороне оттиснута профильная фигурка оленя (рис. 5)⁴⁶. Изображение священного для кочевников животного, а также нахождение перстня возле черепа позволяют предположить, что

⁴⁰ Kibaltchitch 1900, III, 26; XVII, 68; LXI, 16; Островерхов 2006а, 365, рис. 1, 3; 2006, 232–233, рис. 1, 3; 2; Островерхов, Охотников 1996, 166, рис. 9, 1–2.

⁴¹ Раевский 1985, 114–115; Неверов 2000, 30.

⁴² В отчете Т.Н. Книпович гемма названа обломком цилиндрической пронизи, изготовленной из серовато-розового камня, с резным изображением (НА ИА НАНУ, 1953/5, № 2010, 17, рис. 5).

⁴³ Силантьева 1959, рис. 24; Неверов 1983, 110–111; 1983а; Neverov 1995, 72, Tab. XII, 2.

⁴⁴ Капошина 1950, 51, рис. 14; Островерхов 1984, 65, рис. 1, 4; 2005, 223, рис. 2, 4.

⁴⁵ Анохин 1977, № 199; 1986, № 192–195.

⁴⁶ Гребенников, Ребедаило 1991, 120–121, рис. 1, 3; Гребенников 2008, 91–92.

это одна из инсигний сакральной и военной власти погребенного⁴⁷.

Мотив оленя был одним из наиболее популярных в античной глиптике⁴⁸. Прототипами подобных изображений служили сюжеты ранних ионийских монет⁴⁹. Анималистические изображения были излюбленными в творчестве Дексамена Хиосского⁵⁰. В Эрмитаже хранится пантикапейская гемма с изображением пасущегося оленя, сохраняющая все приметы мастерской Дексамена. Фигурка оленя воспроизведена на скарабеоиде из детского погребения IV в. до н.э. кургана 4 скифского могильника Носаки⁵¹. Подобная реплика найдена в кургане Карагодеуашх⁵². Хотя в Греции существовали законы, запрещающие резчикам изготавливать дубликаты гемм (Dion. Laert. I. 2. 27), но в реальной жизни они часто нарушались. О.Я. Неверов насчитал не менее пяти повторов инталей с изображением пасущегося оленя, трех реплик с изображением купальщицы и несколько реплик гемм с изображением орла и лани⁵³.

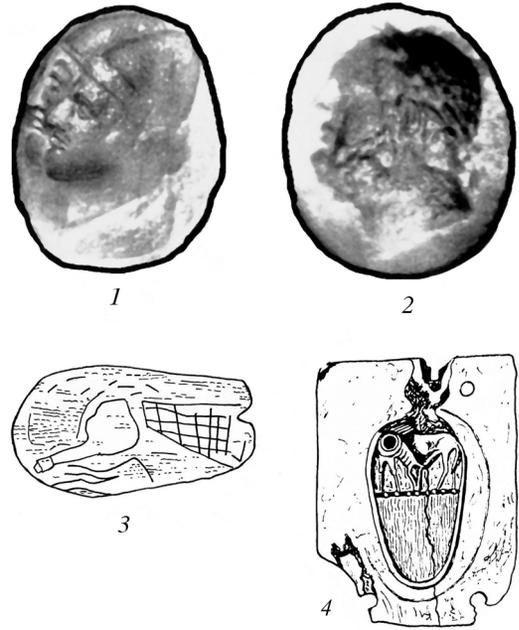

Рис. 4. Бронзовые перстни эллинистического времени и памятники прикладного искусства классического времени из Ольвии и Березани: 1 – перстень с изображением Диоскуров; 2 – перстень с изображением Геракла (по В.П. Алексеєву); 3 – костяная заготовка с изображением бегущего копытного животного; 4 – литейная форма из Березани для производства бутеролой мечей

⁴⁷ Олени были символом долголетия и обновления природы. Они имели дар пророчества, были помощниками богов, героев и богов (Рыбаков 1981, 56–59, 75; Даркевич 1988, 109–110). В мифологии иранских народов был распространен образ «солнечного оленя» и «оленя – золотые рога», обладавшего чудесными свойствами (Акишев 1984, 39; Мартынов 1987, 15). Изображения оленя в контексте погребального обряда – это символ чистоты и возрождения покойника. Понятие о «святом, чистым от греха» (vahu-, arta-) олене является базовым в авестийских представлениях о судьбе человека после смерти (Яйленко 2006, 412). Слово «saka» в ряде иранских языков означает «олень», является эндоэтнонимом саков, скифов и сарматов, изображение животного было символом скифов царских (Абаев 1949, 37, 49, 179, 196, 198, 243–244, 312; Zgusta 1955, 202, 205, 436; Черников 1965, 56, 136–137; Членова 1967, 129; 1993, 69).

⁴⁸ Furtwängler 1910, Taf. XI, 25–26, 28; XIV, 13; Kibaltchitch 1910, I, 4, 29; II, 43; V, 160; IX, 277.

⁴⁹ AGDS 1969, № 172.

⁵⁰ Дексамен как художник сформировался на Хиосе. Он длительное время работал в Афинах, на его творчество значительное влияние оказало искусство Фидия. О.Я. Неверов высказал предположение, что ювелир некоторое время жил и работал в Северном Причерноморье, в частности в Пантикапее. На Боспоре найдено большое количество гемм и перстней, авторство которых приписывается этому художнику (Evans 1898, 333; Furtwängler 1900, 138; Ернштадт 1925, 298; Неверов 1983, 41). Мы не исключаем, что Дексамен работал и на ольвийском монетном дворе.

⁵¹ Бидзиля, Болтрик, Мозоловский, Савовский 1977, 114, рис. на с. 61; Болтрик, Фиалко 2007, 86, рис. 10, 13; Островерхов 2006, 132–133, рис. 1, 1.

⁵² Лаппо-Данилевский, Мальмберг 1894, 66.

⁵³ Неверов 1983, 54; 2000, 25.

Рис. 5. Стеклопечать на подвижной золотой дужке из скифского погребения воина V в. до н.э. у с. Васильевка на Ингульце (по: Гребенников 2008, 92)

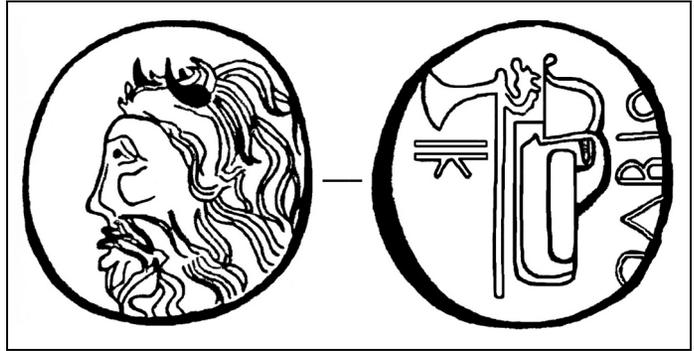

Рис. 6. Изображение речного божка Борисфена на ольвийских «борисфенах» (по: Алексеев 2008, рис. 11, 2)

В собрании Т.В. Кибальчича хранился двухсторонний сапфировый скарабеоид. Он был приобретен в Херсоне⁵⁴, но, вероятно, гемма происходит из Ольвии или Березани. Изображение на одной из сторон уничтожено, на другой – спокойно стоящая лошадь перед яслями в профиль. Вверху надпись **ОН**. По форме, размерам и стилю исполнения скарабеоид можно датировать второй половиной V или же началом IV в. до н.э. Лошади были одним из любимых мотивов в творчестве Дексамена Хиосского. Одна из его гемм с изображением скачущей лошади, вырезанная на яшме, хранится в Эрмитаже. Подобная композиция помещена на инталии, из Нимфея (хранится в Берлинском музее). Иная гемма, но с изображением спокойно стоящего животного имеется в Бостонском музее. На халцедоновой гемме из Парижской национальной библиотеки мастер вырезал коня, на которого напал грифон⁵⁵. Манеру резчика или его ближайших последователей – выразительность силуэта, виртуозная моделировка формы и тончайшие штрихи алмазной иглы – мы узнаем и на гемме, купленной в Херсоне.

Функциональную нагрузку изображения нужно анализировать в контексте всего памятника. Если это изображение на монете, то в аверсе и реверсе следует видеть семиотическую систему. Чеканщики на лицевой стороне представляли божество, а на обратной – его атрибуты или зооморфную ипостась⁵⁶. Конь ассоциировался с Деметрой-Персефоной, Дионисом, Афиной, Гераклом и другими богами⁵⁷. Изображения коней и конских голов – частый сюжет на античных монетах⁵⁸.

⁵⁴ Kibaltchitch 1910, № 71.

⁵⁵ AGDS, 1969, II, 197; Неверов 1973; 1983, 42–43, рис. 3, 12–13; Neverov 1995, 73, Tab. XII, 7.

⁵⁶ Пиотровский 1930; Алексеев 1990, 65–66; Русяева 1992, 138.

⁵⁷ Иванов 1974; Беленицкий 1978; Русяева 1982, 134–135.

⁵⁸ Подобные мотивы известны на монетах городов Фракии и Македонии (Мушмов 1912, табл. III, 9, 29; XXII, 23; XXIV, 3–8; LI, 10–14, 16; XXVI, 9; LIV, 19; LXI, 7), правителей Малой Скифии (Canarache 1957, pl. V, 24; VII, 31, 33–34), на монетах синдов и Пантикапея (Анохин 1986, № 59–60). В Средиземноморье лошадиные головы известны на монетах

Часто конь являлся символом водных божеств – Посейдона, нимф Гелы и Лариссы⁵⁹. Конь был одним из символов речного бога Тираса⁶⁰. Интересна семантика коня на форме из Березани (рис. 4, 4)⁶¹.

Из раскопок Ольвии (ИИМК. Ол. 2943/122) происходит литик-скарабеоид IV–III вв. до н.э. с изображением бодающегося быка (рис. 1, б). Аналогичная реплика, числящаяся как найденная в Ольвии, была и в коллекции Т.В. Кибальчича⁶². Подобные мотивы были широко распространены в ранней глиптике⁶³. Скарабеоиды с подобными изображениями встречаются в античных⁶⁴ и скифских⁶⁵ памятниках Северного Причерноморья. Изображение заимствовано из монетного дела. Одними из наиболее ранних были изображения быка на фурийских статерах ≈ 412 г. до н.э., где изображение бодающегося животного являлось изобразительным эквивалентом названия города (атакующий бык = «*φύριος*»), а также на кизикинах из Мирмекийского клада 460–400 гг. до н.э.⁶⁶ Позже этот мотив появляется на монетах Гераклеи Понтийской⁶⁷ и ряда других полисов⁶⁸. В Северном Причерноморье подобные мотивы встречается на монетах Фанагории и Феодосии конца классического времени, Тиры 370–360 гг. до н.э.⁶⁹ и Херсонеса IV в. до н.э. – III в. н.э. В последнем городе изображения копируют монетные типы метрополии, но видоизменяются во II–III вв. н.э.⁷⁰ Принято считать, что в сюжете отражена легенда о поиске Гераклом критского быка. Культ Геракла в Ольвии с различной степенью интенсивности прослеживается на протяжении всей истории полиса⁷¹. Однако связь изображений быка именно с этим подвигом Геракла не всегда под-

---

Фессалии, Карфагена и египетского правителя Антиоха I (Jenkins 1990, 133, 150, 153, fig. 167, 403, 409).

⁵⁹ Орешников 1891, № 2097–2110; Hess 1906, № 917, 1026, 1043; Hirsch 1903, № 898.

⁶⁰ В Тире найден бронзовый перстень с изображением протомы коня. Изображение копирует один из монетных типов ранних монет города. В.А. Анохин датирует их 350–340 гг. до н.э. (Kibaltchich 1910, 341, 392; Анохин 1989, 88, № 425–432; Островерхов, Охотников 1997, 231, рис. 1, 1).

⁶¹ Форма предназначалась для отливки бутеролой мечей. По нашему мнению, здесь в зооморфном виде представлен речной бог Гипанис. Этимология названия имеет в своей основе корень от «гиппос» – конь. Гидроним «гипанис» переводится как «конная река». Связь с конем фиксируется как у истоков реки, так и у ее устья (*Herod.* IV. 17. 52). Название обозначает «прекрасноконные» или же «потомки прекрасноконных отцов». Станиславов мыс назывался Гипполаевым мысом. «Вилка» фиксирует связь Гипаниса с образом коня (Островерхов 1996, 89, рис. 1, 3; 2005, 254, прим. 28, рис. 7, 5).

⁶² Kibaltchitch 1910, № 40.

⁶³ Furtwängler 1900, Taf. IX, 19; XXIV, 72; XXV, 22, 28; XXVIII, 65, 72; XXIX, 53–54; XLI, 11.

⁶⁴ Kibaltchitch 1910, № 30, 36, 263; ГЭ. PAN 1873/164.

⁶⁵ Островерхов 2006, 134–135, рис. 1, 4.

⁶⁶ Tier- und Pflanzenbilder... 1889, Taf. III, 46; Jones 1998, 229; Мирмекийский клад 2004, № 67–68, 87–89.

⁶⁷ Анохин 1977, 19–20.

⁶⁸ AGDS 1969, II, 171.

⁶⁹ Анохин 1986, 139, № 77, 82, 84; 1989, № 442–446.

⁷⁰ Зограф 1951, 147; Анохин 1977, № 182–183, 200–201, 258–260, 270–272, 280–282, 285, 292–294; Сапрыкин 1986, 42; Коваленко 1999, № 16, табл. 3, 3; Шевченко 2009.

⁷¹ Русяева 1992, 123–137; 2005, 453–454.

тверждается первоисточниками⁷². По мнению ряда исследователей, изображение быка с опущенной головой и на одном согнутом колене, свидетельствует, что здесь представлено приносимое в жертву животное⁷³.

На античных монетах и произведениях глиптики бык также часто был персонализацией рек⁷⁴. На северных берегах Черного моря это были в первую очередь боги крупных рек Борисфен (рис. 6)⁷⁵ и Тирас (рис. 7)⁷⁶.

При раскопках на некрополе в районе Широкой балки в женском погребении второй половины IV в. до н.э. был найден бронзовый перстень⁷⁷. По форме эллип-

---

⁷² Единственным доказательством правомерности тезиса является совместное нахождение на некоторых монетах Гераклеи Геракла и бодающегося быка (Русяева 2000, 76; 2005, 450; Русяева, Русяева 1999, 129–131; Шауб 2007, 272). Тип «коленипреклоненного» животного мало соотносится с сюжетом победы Геракла над критским быком (Jones 1998, 107–109). Тип атакующего быка в Херсонесе с некоторыми перерывами чеканился вплоть до начала III в. н.э., т.е. и в то время, когда культ Геракла теряет свое значение в полисной религии (Агафонов 1999, 18; Бондаренко 2007, 111). В Фанагории быка сопровождает голова Кабира; в Феодосии – голова Аполлона; в Херсонесе – Партенос, голова Гермеса в петасе; в Тире – головы Деметры и Афины; в Фуриях – голова Афины; в Сиракузах – голова Персефоны; в Кизике бык изображен над тунцом. На динарии Августа выпуска 13–15 гг. в Лугдуме изображение быка на реверсе сопровождается ликом императора на аверсе, хотя известно, что происхождение Августа связывалось с Аполлоном, а не с Гераклом (Штаерман 1975, 79).

⁷³ Jones 1998, 203; Коваленко 1999, 121; Шевченко 2009, 213–214.

⁷⁴ Крышковский 1967, 82. В Геле (Сицилия) реверс монеты с атакующим быком сопровождается изображением головы божества местной реки. В Эретрее на Эвбее на монетах изображение быка в разных позах, в том числе и в «атаке», соединенное с образом эпонимной нимфы на аверсе, появляется значительно раньше, чем изображение Геракла (Head 1911, 356–357).

⁷⁵ В Ольвии Борисфен был защитником полиса. Его образ связывается с циклом легенд об Ифигении, Ахилле и Дионисе. Анонимный автор донес вариант мифа о пребывании Ифигении в Тавриде. Артемида перенесла Ифигению на Понт к Тоанту, сыну Борисфена. Тоант в этом рассказе – царь кочевников, которые назывались таврами. Ифигения имела прозвище – Тавропола – повелительница быков. В других вариантах легенд, где упоминается Тоант, говорится, что он был сыном Диониса и владел сказочным островом, лежащим у края земли. Там проживал божественный бык, именуемый Тавром. На этом основании П.О. Крышковский предположил, что и Борисфен представлялся древним как некий «богобык». Эвмел упоминает о трех музах – Кефисо, Аполлониде и Борисфениде. Музы в представлении греков были нимфами источников. Стефан Византийский сообщает, что в незапамятные времена Борисфеном назывался Геллеспонт. Образ музы Борисфениды был перенесен колонистами на берега Днепра и здесь стал ассоциироваться с рекой. В честь музы названо поселение на острове Березань. О значении Борисфена в религиозных представлениях ольвиополитов можно судить по массовому выпуску монет «борисфенов». На их лицевой стороне изображена бородастая голова с бычьими рогами. «В некоторых случаях и весь облик божества несомненно напоминает быка...» (Крышковский 1967, 82–83; см. также Блаватский, 1967; Русяева 1992, 136–138).

⁷⁶ Тирас изображался в виде молодого юноши с рожками на голове. Его зооморфными ипостасями были бык и конь (Островерхов, Охотников 1997). Образ бодающегося быка А.Н. Зограф истолковывал как олицетворение «бурной, неукротимой силы течения Днестра...». Он также считал, что быки и кони были одной из зооморфных ипостасей речного бога Тираса и одновременно *παράσημον* Тирасского полиса (Зограф 1957, 48–49, 62).

⁷⁷ Островерхов, Папанова 2009.

совидного щитка и дужки он датируется IV – первой половиной III в. до н.э.⁷⁸ На щитке помещено профильное изображение присевшего бородатого силена, играющего на свирели (рис. 2, 2). Изображения Пана, силенов, менад и других божеств из круга Диониса были широко распространены в глиптике городов Северного Понта⁷⁹. Культ Диониса и его спутников, в том числе силенов и панов, хорошо известен в Ольвии⁸⁰.

В одной из одесских коллекций хранится скарабеоид из прозрачного светло-зеленого стекла. На одной из сторон видим профильное изображение «крылатого сфинкса-грифона» с львиным туловищем и мужской бородатой головой в высоком головном уборе, из-под которого ниспадают длинные пряди волос. В.П. Алексеев датирует это изделие в пределах VI–IV вв. до н.э. и усматривает в чудовище демона восточного типа⁸¹. Размеры, форма и цвет стекла свидетельствуют, что реплика относится к конечному этапу существования печатей этого типа и может быть датирована самым концом IV–III в. до н.э.

Значительный интерес представляет массивный перстень из халцедона-сапфирина (ОАМ № А-52406). Он поступил в Одесский музей в 1924 г. и числится как найденный в Ольвии⁸². На щитке помещено профильное изображение божества типа «крылатого кентавра» (рис. 1, 7). К этому кругу памятников примыкают инталии из Парижской национальной библиотеки с изображением крылатого быка и из Эрмитажного собрания с изображением фантастического существа типа крылатого сфинкса⁸³. В Оксфорде хранится халцедоновый скарабеоид, происходящий из Нимфея. На нем изображено стоящее на задних лапах восточное крылатое чудовище в виде крылатого льва⁸⁴. Хотя стиль изображения на них выдает работу «восточно-греческих» мастеров, сам образ взят из «греко-персидского» искусства. В.П. Алексеев усматривает в этом изображении божество типа ближневосточного шеду⁸⁵ и ищет ей аналогии среди сасанидских гемм⁸⁶. Но демонические чудовища подобные шеду существовали и в греческом пантеоне. К ним относились и сфинк-

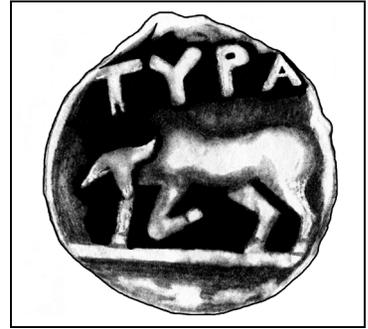

Рис. 7. Изображение быка в коленаприклоненной позе на монетах Тире III в. до н.э. (по: Алексеев 1997, 8, 4)

⁷⁸ Ср. Неверов 1978а; 1984, табл. CLX, 1–10; 1986, 18–19, табл. 2–3; Neverov 1995, Tab. XI, 6–7.

⁷⁹ Furtwängler 1900, Taf. VII, 3; VIII, 4, 20, 32; X, 5; Неверов 2000, 190–191, рис. 1; Neverov 1995, Tab. XIV, 8; Островерхов, Охотников 2001, 97, рис. 1, 2.

⁸⁰ Русяева 1992, 133–134.

⁸¹ Алексеев 2007, 3–44, табл. 11, № 7.

⁸² Каменные и стеклянные перстни, копировавшие металлические прототипы, появились в раннеэллинистическое время (Младенова 1963, 307, № 1000; Сорокина 1966; Haevernick 1969; Островерхов 2006, 149).

⁸³ Никулина 1969, табл. I, 18, 20.

⁸⁴ Neverov 1969, 73, Tab. XII, 4.

⁸⁵ Образ шеду, шедим (мн. ч.) имеет древние ближневосточные корни. Чудовища имели дуалистическую природу. В ветхозаветных преданиях это бесы, которым приносили животных и детей. В Ассирии и Иране шеду охраняли входы и выходы в царских дворцах, считались добрыми духами, покровительствовавшими людям (Иллюстрированный словарь 1996, 37; Щедровицкий 1992, 641).

⁸⁶ Борисова, Луконин 1963, 117, № 260–265.

сы, которые были особенно близки шеду как по иконографии, так и семантической нагрузке⁸⁷. В Ольвии скульптурные изваяния чудовищ охраняли вход во дворец царя Скила в Ольвии (Herod. IV. 79), их изображения на геммах⁸⁸ и керамике⁸⁹ выполняли роль апотропеев.

Интерес представляет ольвийская коллекция гемм с изображением антропоморфных богов. Одним из ранних образцов гемм подобного типа, является сердоликовый скарабеоид. На одной из сторон помещено плоскостное, словно графическое, изображение спокойно стоящего воина, выполненное в «архаизирующем» стиле. Об этом свидетельствуют не только угловатость и статичность фигуры, но и ракурс ее изображения. Туловище изображено строго в профиль, а голова – на 3/4 к зрителю. Одет воин в длинный, ниже колен, парадный плащ. Его голову украшает коринфский шлем с гребнем. В правой руке он держит круглый щит, в левой поднятой вверх руке – копье, брошенное за шею. Между ногами прослеживается изображение какого-то предмета, возможно, змеи⁹⁰.

В глиптике подобные изображения хорошо известны⁹¹. Встречаются они и в Северном Причерноморье⁹², в том числе и в Скифии⁹³. Аналогией ольвийскому изображению является этруская гемма конца VI или начала V в. до н.э. Это богиня Афина⁹⁴. На обратной стороне геммы изображена профильная голова бородастого Геракла или же Зевса. Все это позволяет датировать гемму не позже первой половины – середины V в. до н.э.

Началом V в. до н.э. датируется ионийский электровый перстень, найденный в некрополе Ольвии. На его щитке помещена угловатая фигурка девушки с протянутыми руками. Девушка изображена с большой головой и крупным «неклассическим» носом. По мнению О.Я. Неверова, на гемме помещена Даная, к которой с небес спускается Зевс в виде капель золотого дождя⁹⁵.

На ручке фасосской амфоры конца V – начала IV в. до н.э. из Березани помещен оттиск металлического перстня с изображением распространенного в классической глиптике сюжета – купальщицы (рис. 1, 8)⁹⁶. Особенно популярным этот сюжет был в творчестве Дексамена Хиосского и его последователей. Подобные изображения передают образ Афродиты⁹⁷. находка представляется неслучайной в связи с открытием на острове святилища Афродиты в ипостаси Урании или же Эвплойи – Счастливо плавающей⁹⁸.

Концом V – началом IV в. до н.э. датируется оттиск овального перстня на ручке амфоры неизвестного центра, найденной в Ольвии⁹⁹. На нем изображение атлета, играющего с мячом. Близкую аналогию изображению находим на рельефе, укра-

⁸⁷ Островерхов 2006, 137–138.

⁸⁸ Furtwängler 1900, Taf. VI, 29–33; VIII, 7, 34, 52, 58; XI, 18; XII, 48; XIX, 46; Kibaltchitch 1910, II, 61, 65; Vickers 1979, pl. VI b–c; Neverov 1995, Tab. XI, 2.

⁸⁹ Брашинский 1984, табл. 1, 1–2; Горбунова 1983, № 96, 174, 177.

⁹⁰ Kibaltchitch 1910, № 107, 109.

⁹¹ Furtwängler 1900, Taf. XV, 23, 29–30, 37, 43, 47, 52; XVI, 13, 41.

⁹² Лаппо-Данилевский, Мальмберг 1894, 158, табл. IV, 7.

⁹³ Островерхов 2006, 139, рис. 4, 2.

⁹⁴ Неверов 1983, 57, рис. 4, 6; Neverov 1981.

⁹⁵ Неверов 1983, 36–37.

⁹⁶ Придик 1917, табл. XV, 33; Неверов 2000, 30–31, рис. 5.

⁹⁷ Неверов 1978а, № 1; 1983, 37; Vickers 1979, pl. 17d–e; Neverov 1995, 72, Tab. XI, 6.

⁹⁸ Назаров 2001; Русяева 2005, 298.

⁹⁹ Придик 1917, табл. XV, 19; Неверов 2000, 29.

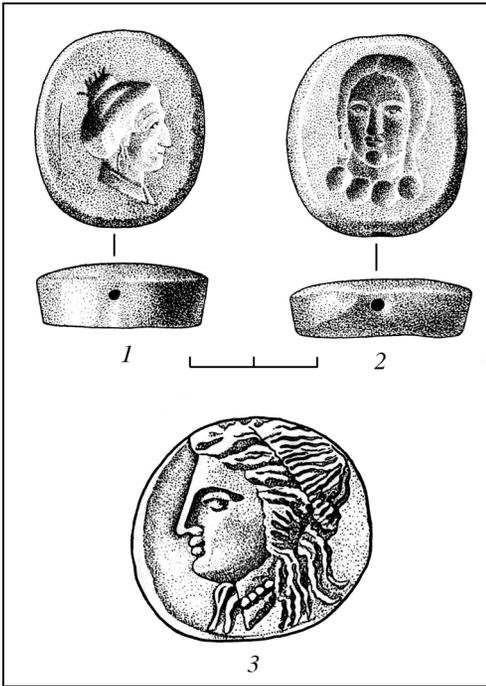

Рис. 8. Типы женских лиц на литиках-скарабеоидах (1–2) и ольвийских монетах (3) конца V–IV в. до н.э.; 3 – (по: Русяева А.С., Русяева М.В. 1997, рис. 5)

Рис. 9. Ольвийские «ассы» третьей четверти IV в. до н.э. с изображением Деметры (по: Русяева А.С., Русяева М.В. 1997, рис. 3)

шающем надгробие палестрита V в. до н.э. из Афин: без помощи рук, держа их за спиной, юноша подкидывает коленкой мяч¹⁰⁰. Возможно, амфора, найденная в Ольвии, предназначалась для перевозки оливкового масла. О существовании в городе гимнасией и палестр свидетельствуют письменные источники и археологические находки¹⁰¹.

В классическое время на Юге Восточной Европы широкое распространение получили металлические перстни, каменные геммы и литики-скарабеоиды с изображением женских и мужских голов. В ольвийской коллекции женские образы репрезентированы двумя типами. На первом из них (ГЭ. Ол. № 11567) воспроизводится изображение головы молодой женщины в фас с ожерельем на шее (рис. 8, 2). Крупные черты лица, какая-то особенная грубоватость и полнокровность самого типа лица, далекого от классического идеала красоты, прическа с пробором, облегающая голову, массивный подбородок и толстая короткая шея выдают руку мастера, близкого к ионийскому направлению в искусстве. Такие изображения были широко распространены в ранней глиптике¹⁰². Подобные литики-скарабеоиды встречаются в курганах Нижнего Поднепровья¹⁰³. Близкие изображения встре-

¹⁰⁰ Reinach 1912, 388.

¹⁰¹ Островерхов 1995.

¹⁰² Panofka 1852, Taf. IV, 4; Furtwängler 1900, Taf. IX, 40; XXIV, 46; XXV, 35; XXVI, 11, 16, 23.

¹⁰³ Островерхов 2006, 140, рис. 5, 3.

чаются на серии больших ольвийских бронзовых «ассов» третьей четверти IV в. до н.э. с изображением Деметры (рис. 9)¹⁰⁴.

В классическое время в античном мире¹⁰⁵, в том числе Восточной Европе¹⁰⁶, и конкретно в Ольвии¹⁰⁷, широкое распространение получили скарабеоиды с профильным изображением женского лица, украшенного прической *λαμψάδιον*. Уши украшают длинные подвески или серьги (рис. 8, 1). Близкие изображения имеются на драмах Коринфа второй половины V в. до н.э. В ольвийской нумизматике подобный тип изображений появляется в первой половине IV в. до н.э., но чаще всего встречается на монетах третьей четверти того же столетия (рис. 8, 3)¹⁰⁸.

Среди мужских персонажей следует отметить находку в Ольвии овального скарабеоида из синего стекла с изображением профильной головы Аполлона¹⁰⁹. Подобная реплика найдена в некрополе Танаиса¹¹⁰. Изделия датируются IV в. до н.э. Близкой аналогией изображениям на геммах является графический рисунок на стеклянном медальоне из пантикапейской гробницы IV в. до н.э. из раскопок 1873 г.¹¹¹ Культ Аполлона занимал ведущие позиции в пантеоне Ольвии во все периоды существования полиса¹¹².

В одной из одесских коллекций хранится бронзовый литой перстень эллинистического времени из Ольвии. Щиток овальной формы. На нем вырезано профильное изображение головы Геракла в лавровом венке (рис. 4, 2). Во второй половине III–II в. до н.э. после длительного перерыва среди жителей нижнебугского полиса вновь наблюдается распространение культа Геракла. Его изображение появляется и на монетах города (рис. 10). Известны находки терракот, каменного рельефа и вотивов в виде палицы героя. В это время Геракл считался защитником полиса и покровителем эфбев. Не следует также забывать о тесной связи культа Геракла с элевсинскими таинствами (Herod. IV. 14)¹¹³.

К III в. до н.э. относится бронзовый перстень с рельефным изображением Диоскуров (рис. 4, 1)¹¹⁴. Подобный перстень найден в Пантикапее, считается продукцией Александрии¹¹⁵. В Ольвии функционировало святилище Диоскуров. На монетах города помещалась их символика: звезда и пилосы в сочетании с эмблемами или атрибутами Деметры, Борисфена и Аполлона¹¹⁶.

Особую группу стеклянных камей составляют двухсторонние подвески с изображением мужских и женских лиц в фас (рис. 11). В мужских лицах усматривают

¹⁰⁴ Карышковский 1988, 58; Анохин 1989, 32–33; Русяева, Русяева 1997, 32–33, рис. 3.

¹⁰⁵ Panofka 1852, Taf. III, 37; LVIII, 46; LXV, 23; Furtwängler 1900, Taf. IX, 38; XIII, 2; XX, 50; XXVI, 20, 27; XXXII, 35–36, 38; XXXIII, 1–2, 21; XLVII, 47–48; Walters 1926, № 579; AGDS 1969, II, 319–322.

¹⁰⁶ Kibaltchitch 1910, VI, 188, 190, 192–193; XVI, 450–457; XVII; Граков 1954, 109; Неворов 1983, 108.

¹⁰⁷ Kibaltchitch 1910, VI, 175, 177, 184–185; ГЭ. Ол. № 1811.

¹⁰⁸ Зограф 1951, 127; Карышковский 1986, 97; Русяева, Русяева 1997, 34, рис. 34.

¹⁰⁹ Kibaltchitch 1910, № 221.

¹¹⁰ ИАК 1912, 35, 118, рис. 26; ГЭ Т.Е., 1909/47; Островерхов 2006, 141.

¹¹¹ Кунина 1997, 260, № 65; 2000, 188–189, рис. 3; Островерхов, 2009, 74–75, рис. 3, 1; 8.

¹¹² Русяева 1992, 29–55; 2005, 204–315.

¹¹³ Карышковский 1988, 98, рис. 9, 1–6; Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко 1989, 145–146; Русяева 1992, 123–127; 2005, 453–454; Агафонов 1998, 34–35.

¹¹⁴ Алексеев 2007, 42, № 5.

¹¹⁵ Русяева 1992, 116–118; 2005, 481.

¹¹⁶ Русяева 1992, 116–118; 2005, 481.

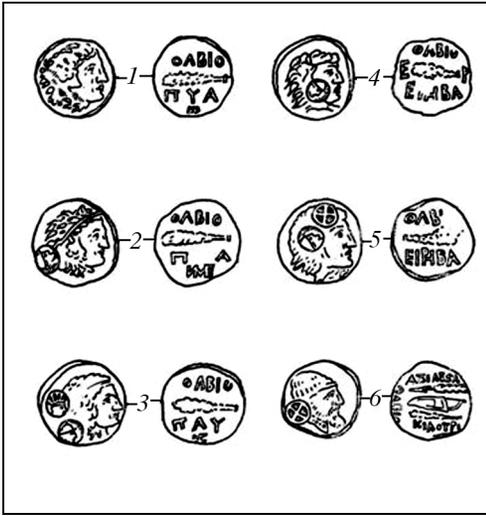

Рис. 10. Изображение головы Геракла и его символов на монетах Ольвии эллинистического времени (по: Карышковский 1988, 97–98, рис. 9)

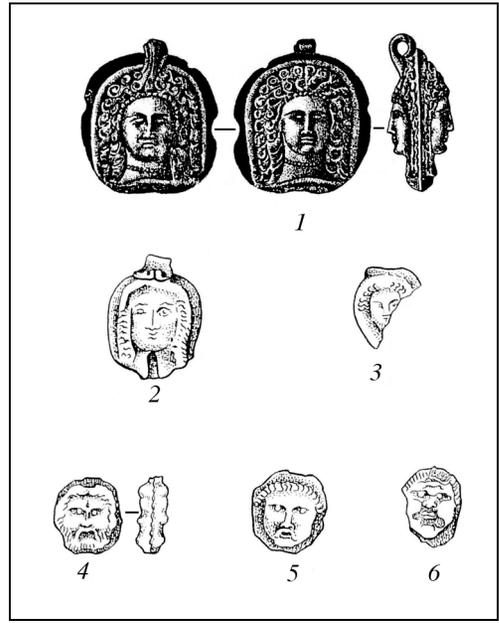

Рис. 11. Стекланные подвески типа «Doppelköpfen» (по: Алексеева 1978. Типы 181–182): 1 – скифский курган 4/1 могильника Носаки; 2 – античное поселение «Чайка», III в. до н.э.; 3 – Пантикапей, ОАМ, А-52497/4; 4 – Ольвия, ОАМ, А-52497/2; 5 – ОАМ, б/№; 6 – Ольвия, КГИМ

Зевса-Баала, в женских – Деметру-Тиннит. Подобные украшения прессовались в двухсторонних формах, чаще всего из прозрачного синего, зеленого, бирюзового или черного стекла. В литературе они получили название «Doppelköpfen». Ареал распространения подобных изделий охватывает всю античную ойкумену. Они хорошо известны в Восточной Европе¹¹⁷, в том числе в Ольвии¹¹⁸.

Длительное время в античном искусстве существовали строгие запреты на изображение лиц смертных людей на тех изделиях, где веками изображались боги. В V–IV вв. до н.э. этот запрет нарушали лишь самые смелые художники: в глиптике это был Дексамен Хиосский¹¹⁹. В различных музеях мира хранится несколько десятков подписных, а также приписываемых мастеру гемм и перстней. Большая их часть найдена в Северном Причерноморье¹²⁰.

Находки ранних портретных гемм известны и в Ольвии. Одна из них хранилась в коллекции Т.В. Кибальчица. Эта скарабеоидная сапфировая инталия приобретена в Одессе. По словам продавца, она была найдена в Ольвии. На гемме изображена профильная голова «философа» с большим лысым лбом и бородой вправо. Она

¹¹⁷ Haevernick 1968; Алексеева 1978, 62, 74, табл. 34, 12–17; Островерхов 1985, 101.

¹¹⁸ Островерхов 1990.

¹¹⁹ Ернштадт 1925.

¹²⁰ Evans 1898; Максимова 1962, 190–191, рис. 2; Неверов 1973; 1983, 70–71; Neverov 1995, 72, pl. XI, 4; Diehle 1967, 44, Abb. 1; Vickers 1979, pl. XVII, b–d; Островерхов, Охотников 1998.

выполнена в лучших традициях школы Дескамена и может датироваться второй половиной V в. до н.э.¹²¹

К изделиям портретной глиптики начала III в. до н.э., найденным в Ольвии, относится перстень, на щитке которого изображение головы жены Птолемея II Филадельфа Арсиной II или же Береники II. Лицо женщины немолодое, с крупными чертами. Волосы оформлены прической «melonen frisur» и собраны сзади на затылке в большой тяжелый пучок, перевязанный лентой¹²². Однозначная интерпретации образа затруднительна, поскольку иконография Арсиной II и Береники II очень близка: та же прическа, те же черты лица и постановка головы. Подобные перстни считаются изделиями мастерских Александрии. Их находят во многих центрах Северного Причерноморья¹²³. Перстни рассматриваемой группы, находящиеся на северных берегах Понта, чаще всего принадлежали морякам и торговцам, совершавшим небезопасные плавания к берегам Египта¹²⁴.

В подборке предметов глиптики из Ольвийского полиса известны изделия с изображением мифологически-аллегорических сюжетов. В античном искусстве они появились в архаическое время¹²⁵. Одна из наиболее ранних гемм подобного рода обнаружена при раскопках Г.Л. Скадовского на Березани. Она определена Б.А. Тураевым как «гемма с изображением на обеих сторонах» (рис. 1, 5)¹²⁶. Оба рисунка обрамлены штриховым ободком. Подобные ободки и плетенки – один из характерных признаков гемм позднеархаического и раннеклассического времени. Они замыкают изображение и усиливают декоративную узорчатость резьбы¹²⁷. На одной стороне инталии помещено изображение крылатого антропоморфного существа, находящегося в окружении змей. На другой стороне, как полагал Б.А. Тураев, изображены два коня или же конь и лев. Судя по трактовке лап, хвостов и голов животных, это, скорее всего, грифоны. Близкое по стилю изображение видим на гемме из кургана 13 V в. до н.э. у с. Большая Знаменка в Нижнем Поднепровье¹²⁸. Аналогии березанским изображениям имеются на навкратийских фаянсах и геммах V в. до н.э. с о-ва Мелос¹²⁹. Божество со змеями, скорее всего, Геракл, но не в образе классического дорического героя, а местное божество, о пребывании которого на Понте рассказывали северопричерноморские эллины (Herod. IV. 8–10, 82). Это мог быть Ахилл – паредр змееногой богини в Северо-Западном Причерноморье¹³⁰.

Этот же мотив засвидетельствован на отливках IV в. до н.э., получивших в науке название «Геракл – дитя». Помимо Ольвии, подобные изделия

¹²¹ Kibaltchitch 1910, № 207.

¹²² Неверов 1974, 109.

¹²³ Marschall 1907, № 1267 f; Захаров 1928; Charbonneaux 1958, 95, № 50, fig. 8; Неверов 1974, 168, табл. II, 9–10; 1983, 72–77; Neverov 1995, 73, pl. XIII, 1–2; Коровина 1987; Финогенова 1978; 2001, 165–167; Батизат, Островерхов 2002.

¹²⁴ Жены Птолемея считались покровительницами мореплавателей, являлись носительницами сакрального эпитета «Спасительница» и отождествлялись с Исидой (Латышев 1910, 38 сл.).

¹²⁵ Неверов 1983, 34–35.

¹²⁶ Тураев 1911, 81, № 7; Большаков, Ильина 1988, 58–59, рис. 4.

¹²⁷ Неверов 1983, 35.

¹²⁸ Отрошенко, Рассамакін 1985, вклейка; 1985а, 242; Островерхов 2006, рис. 3, 4.

¹²⁹ Naukr. 1886. I, 140–141, 145; Furtwängler 1900, Taf. V, 16, 39a.

¹³⁰ Болтенко 1962, 16–20; Лапин 1978, 23; Карышковский, Клейман 1985, 61–62; Островерхов 2007, 92–93; Охотников, Островерхов 1993а, рис. 15, 1; Островерхов, Субботин 2002, 254–256, рис. 1, 2; ср. Русяева 1990, 49; 1991; 1992, 123–127; 2005, 472 сл.

известны по находкам в Пантикапее (ГЭ. Рар. № 1913/22) и на Каменском городище. О.Я. Неверов относит такие реплики к продукции боспорских мастерских¹³¹.

Среди подъемного материала на Каменском городище есть несколько стеклянных скарабеоидов IV в. до н.э., которые, вероятно, были завезены из Ольвии. Одна из реплик – «химера», изображению которой известны многочисленные аналогии¹³².

К архаическому времени относится инталия, найденная в начале XX в. на хоре Ольвии. На круглом белом камне вырезаны две фигуры, вооруженные мечами и щитами¹³³. Как нам представляется, гемма связана с культом Ахилла в ипостаси воина. При исследовании Бейкушского святилища обнаружены граффити с изображением героя в воинском снаряжении¹³⁴.

В 1924 г. в Одесский музей поступил скарабеоид из халцедона-сапфирина. В Каталоге Э.Р. Штерна (Va/1296; ОАМ. № А-52404) указывается, что гемма найдена в Ольвии. На плоской стороне печати рукой умелого мастера вырезана композиция: верблюд вправо, перед ним сидит собака (рис. 1, 9).

Ранние геммы с изображениями верблюдов на северных берегах Черного моря встречаются редко. На инталии из Анапы¹³⁵ изображен груженный товарами верблюд с погонщиком, в корпусе Фуртвэнглера¹³⁶ воспроизведена гемма из копенгагенского собрания с изображением верблюда и двух собак. Одна из них идет впереди и выполняет роль проводника, к ее ошейнику прикреплен длинный поводок, конец которого держит в зубах верблюд. Вторая собака сидит на спине у верблюда, в одной из ее лап – палица или плеть. Семантически близким является изображение на отливке из скифского кургана 21/2 у с. Гюневка. На выпуклой стороне скарабеоида показан погонщик с мулом, на спине животного размещены туки с товарами¹³⁷.

В данном случае мы имеем дело с религиозно-мифологическими композициями. Верблюды и мулы на северных берегах Черного моря были экзотическими животными¹³⁸. Верблюды занимали важнейшее место в зороастризме, считались одной из инкарнаций Веретрагны. Слово «заратуштра» по различным версиям этимологически может обозначать: «имеющий старых верблюдов», «тот, кто ведет верблюдов» или же «лицо, обладающее верблюдами». Присутствие собак при умирающем символизировало уничтожение всего грязного, порочного и безнравственного. Взгляд собаки был способен прогнать злых духов¹³⁹.

Геммы с иранскими и зороастрийскими сюжетами и ранее встречались в некрополях городов Северного Понта. Наиболее показательным является литик-скарабеоид с двусторонним изображением из некрополя Нимфея. Он найден в погребении первой половины V в. до н.э., был личной печатью знатного воина и хозяина

¹³¹ Неверов 1983, 108; Граков 1954, 104, табл. XI, 6.

¹³² Граков 1954, 108, табл. XI, 7; Островерхов 2006, 138, рис. 3, 6; Kibaltchitch 1910, II, 41, 46; Boardman 1975, № 642–655.

¹³³ ОАК за 1908 г., 89, рис. 77–78.

¹³⁴ Buiskih 2000.

¹³⁵ Kibaltchitch 1910, № 282.

¹³⁶ Furtwängler 1900, Taf. XXV, 55.

¹³⁷ Болтрик 1990, 42, рис. 9; Островерхов 2006, 143, рис. 6, 2.

¹³⁸ Цалкин 1960, 50.

¹³⁹ Абаев 1956; Бойс 1987; Дорошенко 1982.

крупных стад скота. На лицевой стороне печати изображена корова с теленком, на обратной – крылатый солнечный диск Ахурмазды. Эмблемы повторяются на монетах малоазийского города Тарса 420–380 гг. до н.э. М.И. Ростовцев обратил внимание на иконографическое сходство пантикапейского рогатого львиноголового грифона, помещавшегося на монетах города, с грифоном, изображавшимся на иранских памятниках¹⁴⁰.

О распространении воззрений иранского происхождения среди населения городов Северного Понта свидетельствует наличие в ряде некрополей Боспора захоронений, выполненных по обряду «выставления»¹⁴¹. Интересными являются и несколько жертвенных погребений собак на ольвийском некрополе. Древнейшие из них датируются серединой – третьей четвертью IV в. до н.э., но большинство захоронений относится к II в. до н.э. – II в. н.э. Привлекает внимание «коллективная могила» времен осады Ольвии войсками Зопириона. В ней находилось 52 скелета, включая детей и «рабов». В этой же яме найдены скелеты трех собак. Казненные были перебежчиками, перешедшими на сторону Зопириона, за что их побили камнями, а затем расстреляли из луков¹⁴². Как считает В.А. Папанова, собаки были жертвоприношением Гекате¹⁴³. Но в греческой религии собака была воплощением ттонических сил, культовым животным не только Гекаты, но и многих других богов¹⁴⁴. Древние полагали, что если душа не попадает в загробный мир, то она остается в промежуточном мире в виде собаки¹⁴⁵. Хотя культ собак на территории Ольвийского полиса был распространен с архаического времени¹⁴⁶, а мясо собаки использовалось в культовых и лечебных целях (Plut. Quest. Rom. 68), в пищу¹⁴⁷, все же мы должны констатировать эксклюзивный и поздний характер погребений собак в ольвийском некрополе. Эллы приносили собак в жертву в исключительных случаях, но не клали их туши в могилы¹⁴⁸.

¹⁴⁰ Ростовцев 1918, 117; Силантьева 1959, 56, рис. 24, 2; Неверов 1983, 108; Neverov 1995, 72–73, № 15, pl. XII, 3; Островерхов 2006, 143, рис. 6, 1.

¹⁴¹ Соловьев 2002, 102; Сорокина, Сударев 2002, 284.

¹⁴² Виноградов 1989, 163, прим. 87.

¹⁴³ Папанова 2006, 203.

¹⁴⁴ Геката имеет вид черной собаки. Она находится в окружении неуспокоенных душ, принявших облик собак. В жертву богине приносили молодых собак. В виде собак перед смертными появлялись эриннии (Миллер 1876, 12–13; Keller 1909, 138–143). В одном из мифов фиванского цикла есть сюжет, где Геракл отбил собаку смерти у божеств потустороннего мира и вывел ее на землю (Фрейденберг 1932, 99–101). Головной убор Гадеса сделан в виде собачьей головы. При храмах Асклепия содержались священные собаки (Русяева 1982, 138–139). Римские лары изображались одетыми в собачью шкуру, рядом как их символ помещались собаки (Штаерман 1985, 121–129; 1987, 262).

¹⁴⁵ Schlerath 1954, 27.

¹⁴⁶ Русяева 1982, 138–139; Островерхов, Отрешко 1986; 1994; Островерхов 2005, 226–230.

¹⁴⁷ Журавлев 1987.

¹⁴⁸ В некрополях других городов Северного Понта погребения собак встречаются редко (Шульц 1953, 63). Они известны в могилах некрополя Нимфея (Грач 1999) и Илурата (Кубланов 1979, 92, рис. 1, 7). Захоронения собак зафиксированы в некрополе Никония римского времени. Никонийской особенностью является обычай отрезать животным головы перед их захоронением. Он связывается с верой людей в магические свойства собачьих голов охранять умерших от злых духов и грабителей (Секерская 2008, 208). Впрочем, этнический состав населения позднего Никония был настолько пе-

Подобный обычай, возможно, имел зороастрийское происхождение. В таком случае становится понятно и сопровождение «рабов» животными: «рабы» были варварами, самоназвание которых – «собаки»¹⁴⁹. Даже в чрезвычайных условиях ольвиополиты не посмели нарушить религиозные предписания своих врагов – иранцев – и отправили в последний путь приговоренных к смерти в сопровождении собак.

В данной публикации задействована лишь незначительная часть материала, но и она свидетельствует о том, что в доримское время на территории Ольвийского полиса широко употреблялись изделия глиптики. Они представлены металлическими и каменными перстнями, каменными и стеклянными геммами, оттисками перстней и гемм на керамике. Выделяются изделия, выполненные в «восточно-греческом» и «греко-персидском» стилях, причем значительная их часть завозилась из метрополии. Часть могла производиться в северопричерноморских мастерских резчиками штемпелей и ювелирами, работавшими на монетных дворах. Оборудование в подобных мастерских было портативным, но ювелиры и торецты были мобильным отрядом художников. В городах Северного Понта некоторое время работал Дексамен Хиосский со своими учениками и последователями. В IV в. до н.э., после Пелопонесской войны, в Северное Причерноморье переселилась часть высококвалифицированных ремесленников, в том числе и торецтов¹⁵⁰.

стрым, что отнести этот городок к категории древнегреческих поселений можно лишь весьма условно.

¹⁴⁹ Собаки маркируют «нижний мир» на памятниках евразийских степей. На территории Бактрии обычай погребения собак известен с I тыс. до н.э., но большое распространение получил в кушанское время (Литвинский, Седов 1984, 161 сл.). Погребения собак зафиксированы в савроматских и сарматских погребениях (Смирнов 1959, 316; 1964, 102; Шилов 1975, 115; Вязьмитина 1954, 222; Субботин, Дзиговский 1990, 10). Кости собаки встречаются в позднескифских (Шульц 1953, 91, рис. 15а; Вязьмитина 1972, 93, 169; Высотская 1979, 171). В сарматских погребениях Северного Причерноморья наиболее ранними являются погребения животных в могилах Тираспольщины IV–II вв. до н.э. Некоторые исследователи связывают их с сираками (Дзиговский 2003, 29). О связи сарматов с собаками свидетельствует «билингва» из Дунарасти (Иштванович, Кульчар 1998, 11, рис. 10, 2). Показательным является анализ этнонима «саки» (Saka; Σακαί). Корень сак-, саг-, сек-, сег- входит в состав этнонимов кочевого мира и собственных имен. Слова, производные от сак-, во многих иранских языках означают «собака», «пес». Филологи интерпретируют этноним в значении «сторожевые псы», «стражи стад» или же в связи с представлениями о собаке как о тотемном животном (Григорьев 1871, 107–109; Кореняко 2002, 164–165). Корень сак- является составной частью гидронима Асиак (Тилигул). Плиний упоминает племя асиаков, проживавшее вблизи реки. Арриан называет гавань исиаков (*Strabo*. II. 5. 12; *Mela*. II. 7; *Ptol.* III. 5–6; *Plin.* NH. IV. 32; *Arr.* 31; Мелюкова 1969, 62–63; Скржинская 1977, 45). Название «асиаки» созвучно этнониму «апсиаки», которых считают «водными саками» или же «массагетами болот» (Толстов 1948, 99, 104). Сарматы – это саки, кочевавшие между Аральским и Каспийскими морями, которые вторглись в Скифию в конце IV–III в. до н.э. Саков исследователь отождествлял с массагетами и дахами. Ветвью саков он считал сираков. Этноним возник в дахо-массагетской среде. Сираки вышли из племени даев. Некоторые исследователи настаивают на раннем проникновении сарматских отрядов в Северное Причерноморье (Дзиговский, Островерхов 2004).

¹⁵⁰ Burford 1974, 66; Неверов 1973, 51, 107–108; 1983, 45, 108–109.

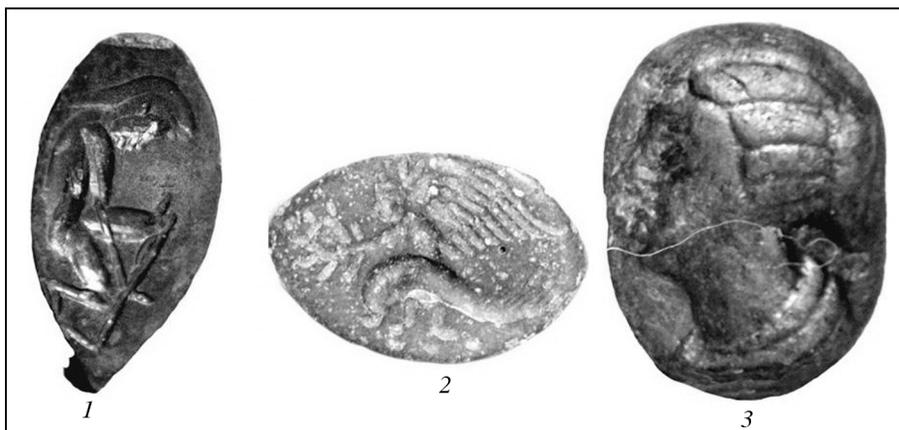

Рис. 12. Бронзовые перстни из Никонии: 1 – перстень с изображением воина, натягивающего тетиву лука; 2 – перстень с изображением Nike на фоне дельфина; 3 – перстень с изображением Береники (по: Островерхов 2008)

В доримское время следы монетного дела, производства предметов торевтики и глиптики фиксируются на Боспоре¹⁵¹, в Херсонесе¹⁵², Никонии¹⁵³ и Тире¹⁵⁴. Ольвия также была одним из крупных центров художественной обработки металлов¹⁵⁵. На ее монетном дворе и в частных мастерских работали как выдающиеся приезжие мастера, так и местные умельцы¹⁵⁶. Не исключено, что в Ольвии, как и в Пантикапее¹⁵⁷, монетарии, торевты и мастера глиптики были объединены в единую мастерскую, которая принадлежала ольвийским властям. Примеры подобных мастерских в истории монетного и ювелирного искусства хорошо известны¹⁵⁸.

¹⁵¹ Гайдукевич 1940, 134–135, рис. 13, 5; Марченко 1956; 1956а; Онайко 1979; Трейстер 1984; 1989. О производстве стеклянных скарабеоидов в Пантикапее может свидетельствовать находка в могиле IV в. до н.э. заготовок (Неверов 1983, 108). Для нанесения изображений на разогретые реплики могли использоваться монетные штемпели. Об этом свидетельствуют находки отливок, которые воспроизводят типы монет. Малочисленность находок штемпелей объясняется тем, что они уничтожались после использования. Ювелиры держали в своих руках монополию не только на выпуск монет, но и на тесно связанное с монетным делом производство художественных изделий (Онайко 1974, 85).

¹⁵² Щербакова 1981; 1983; 1986.

¹⁵³ В Никонии монеты от имени скифского царя Скила чеканились еще в середине V в. до н.э. Во второй половине V – последней четверти IV в. до н.э. здесь отливались «монеты-колесики» по истрийским образцам, производились бронзовые перстни (рис. 12) и мелкая свинцовая пластика (Загинайло 1966; Загинайло, Карышковский 1990; Островерхов, Субботин 2002; Островерхов 2008, 27, прим. 20).

¹⁵⁴ В Тире монетный двор начал функционировать не позже IV в. до н.э. (Зограф 1957; Анохин 1989). На нем выпускались не только монеты, но и произведения глиптики. Печатами снабжались как лица, занимавшие различные официальные и общественные должности, так и частные граждане (Максимова 1937, 256–257; Карышковский, Клейман 1985, 77–78; Островерхов, Охотников 1997).

¹⁵⁵ Фармаковский 1911; Иессен 1947, 55; Прушевская 1955; Фурманська 1958; 1963; Лейпунська 1984; 1988; Островерхов 1996, 94–96; 2006а; Островерхов, Охотников 1989.

¹⁵⁶ Зограф 1951, 128; Карышковский 1986; Алексеев 2002; Русяева, Русяева 1996; 1997.

¹⁵⁷ Блаватский 1964, 68.

¹⁵⁸ Блаватский 1964, 69; Burkhalter 1979; Трейстер 1989, 97–98.

В целом же в плане количественного и качественного потребления изделий глиптики Ольвийское государство на протяжении всей своей истории мало отличалось от Боспора, городов Западного и Восточного Причерноморья.

Литература

- Абаев В.И.* 1949: Осетинский язык и фольклор. М.–Л. 1.
- Абаев В.И.* 1956: Скифский быт и реформа Зороастра // *Archiv orientalni. Praha.* XXIV, F. 1, 68–92.
- Агафонов П.Г.* 1998: Мифология античного мира. Культ Геракла в Северном Причерноморье. Ярославль.
- Агафонов П.Г.* 1999: Культ Геракла в Херсонесском государстве (IV в. до н.э. – III в. н.э.). Автореф. дис. ... канд. истор. наук. М.
- Акишев А.К.* 1984: Искусство и мифология саков. Алма-Ата.
- Алексеев В.П.* 1990: О семантике реверсных изображений на монетах Тиры IV в. до н.э. // *Нумизматические исследования на Юге Восточной Европы.* Кишинёв, 64–72.
- Алексеев В.П.* 1997: Редкие и неизданные монеты античных городов Северного Причерноморья. Одесса.
- Алексеев В.П.* 2002: «Общегреческое» и «ольвийское» в монетном искусстве Ольвии классического и раннеэллинистического времени // *Археология.* 2, 53–64.
- Алексеев В.П.* 2007: Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Одесса.
- Алексеев В.П.* 2008: Исследования по античной нумизматике. Одесса.
- Алексеева Е.М.* 1978: Античные бусы Северного Причерноморья // *САИ.* Г1-12. 2.
- Анохин В.А.* 1977: Монетное дело Херсонеса. Киев.
- Анохин В.А.* 1986: Монетное дело Боспора. Киев.
- Анохин В.А.* 1989: Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев.
- Батизат Г.В.* 1994: Римская гемма из Тиры // *ДП КС ОАО,* 172–176.
- Батизат Г.В.* 1997: Стеклоподвеска из погребения черняховской культуры // *Никоний и античный мир Северного Причерноморья / С.Б. Охотников (ред.).* Одесса, 299–304.
- Батизат Г.В., Островерхов А.С.* 2001: Литик-скарабеоид с изображением «хоровода» мышей из Никония // *Ольвія та античний світ. Матеріали наукових читань, присвячених 75-річчю утворення історико-археологічного заповідника «Ольвія» НАН України / С.Д. Крыжицкий (ред.).* Київ, 21–24.
- Батизат Г.В., Островерхов А.С.* 2002: Новые памятники эллинистической глиптики из Нижнего Поднестровья // *Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V век н.э.) / Е.В. Яровой (ред.).* Тирасполь, 287–294.
- Бауэр В., Дюмотц И., Головин С.* 2000: Энциклопедия символов. М.
- Беленицкий А.М.* 1978: Конь в культах и идеологических представлениях народов Средней Азии и Евразийских степей в древности и в раннем средневековье // *КСИА.* 154, 31–38.
- Березова С.А.* 2001: Персні із скіфських пам'яток в колекції Музею історичних коштовностей України // *Музейні читання.* Київ, 41–52.
- Бессонова С.С.* 1983: Религиозные представления скифов. Киев.
- Бидзиля В.И., Болтрик Ю.В., Мозолевский Б.Н., Савовский И.П.* 1977: Курганный могильник в урочище Носаки // *Курганные могильники Рясные Могилы и Носаки / В.И. Бидзиля (ред.).* Киев, 61–159.
- Блататский В.Д.* 1964: Пантикапей. М.
- Блататский В.Д.* 1967: ΒΟΥΣΘΗΝΙΣ // *ЗОО. II* (35), 252–254.
- Бобринский А.А.* 1902: О некоторых символических знаках, общих первобытной семантике всех народов Европы и Азии. М.
- Болтрик Ю.В.* 1990: Сухопутные коммуникации Скифии // *СА.* 1990. 4, 30–44.
- Бойс М.* 1987: Зороастрийцы. Верования и бычаи. М.
- Большаков А.О., Ильина Ю.И.* 1988: Египетские скарабей с острова Березань // *ВДИ.* 3, 50–59.
- Болтрик Ю.В., Островерхов А.С.* 1989: Сюжеты на литиках-скарабеоидах из скифских памятников Поднепровья и Подунавья // *Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР.* ТДК. Київ, 24–25.
- Болтрик Ю.В., Островерхов А.С.* 1992: Литик-скарабеоид из скифского кургана у с. Большая Белозерка // *Киммерийцы и скифы.* ТДК. Мелитополь, 16–17.

Болтрик Ю.В., Фіалко Е.Е. 2007: Украшения из скифских погребальных комплексов Рогачицкого курганного поля // СППК. XIV, 51–93.

Бондаренко М.Е. 2007: Государственные пантеоны древнегреческих полисов Северного Причерноморья. М.

Борисова А.А., Луконин В.Г. 1963: Сасанидские геммы. Л.

Брашинский И.Б. 1984: Методы исследования античной торговли. М.

Бруязко И.В., Островерхов А.С. 1993: Литик-скарабеоид из Никония // ДП КС ОАО, 60–63.

Бруязко И.В., Островерхов А.С. 1997: Геммы из некрополя Никония римского времени // Никоний и античный мир Северного Причерноморья / С.Б. Охотников (ред.). Одесса, 76–80.

Буйских С.Б., Островерхов А.С. 1997: Навкратийский скарабей из античного святилища на Бейкушском мысу // Чобручский археологический комплекс и вопросы взаимодействия античной и варварской культуры / Е.В. Яровой (ред.). Тирасполь, 69–70.

Буянтян К.П., Фіалко О.Є. 2009: Скифский курган с розмальованим саркофагом // Археологія. 3, 55–69.

Виноградов В.Б. 1968: Место египетских амулетов в религиозно-магической символике // Археолого-этнографический сборник / В.Б. Виноградов (ред.). Грозный, 64–76.

Виноградов Ю.Г. 1989: Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н.э. М.

Высотская Т.Н. 1979: Неаполь – столица государства поздних скифов. Киев.

Высотская Т.Н. 1980: Геммы Усть-Альминского некрополя // ВДИ. 1, 95–105.

Вязьмитина М.И. 1954: Сарматские погребения у с. Новая Филипповка // Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 220–244.

Вязьмитина М.И. 1972: Золотобалковский могильник. Киев.

Гайдукевич В.Ф. 1940: Находка античного бронзового штампа в Тиритакте // СА. VI, 298–301.

Галанина Л.К. 1980: Курджипский курган. Л.

Горбунова К.С. 1983: Чернофигурные аттические вазы в Эрмитаже. Л.

Граков Б.Н. 1954: Каменское городище на Днепре. М.–Л. (МИА. 36).

Грач Н.Л. 1999: Некрополь Нимфея. СПб.

Гребенников Ю.С. 2008: Киммерийцы и скифы Степного Побужья. IX–III вв. до н.э. Николаев.

Гребенников Ю.С., Ребедайло Г.П. 1991: Скифское погребение V ст. до н.э. на Ингульце // Курганы Степной Скифии / Ю.В. Болтрик, Е.П. Буянтян (ред.). Киев, 117–121.

Григорьев В.В. 1871: О скифском народе саках. СПб.

Даркевич В.П. 1988: Народная культура средневековья. М.

Дзиговский А.Н. 2003: Очерки истории сарматов Карпато-Днепровских земель. Одесса.

Дзиговский А.Н., Островерхов А.С. 2000: Перстень-печать из сарматского погребения у с. Михайловка // Пам'ятки археології Північно-Західного Причорномор'я / Т.Л. Самойлова (ред.). Одеса, 120–130.

Дзиговський О.М., Островерхов А.С. 2004: Пам'ятки звіриного стилю з мікрорегіону «Тилігул» та деякі питання історії Північно-Західного Надчорномор'я ранньолінійного часу // ЗІФ ОНУ. 15, 63–90.

Дзиговский А.Н., Островерхов А.С. 2006: О символике камней и семантике изображений на двух геммах из сарматских погребений Северного Причерноморья // ДП. Сборник статей, посвященных 85-летию со дня рождения П.О. Карышковского / В.Г. Кушнір (ред.). Одесса, 2006, 56–61.

Дзиговський О.М., Островерхов А.С. 2007: До сарматського сакрального матеріалознавства // Лукомор'я: Археологія, етнологія, історія Північно-Західного Причорномор'я / В.Г. Кушнір (ред.). Одеса. 11–42.

Дорошенко Е.А. 1982: Зороастрийцы в Иране. М.

Ернштадт Е.В. 1925: К вопросу о стиле резчика Дексамена // ИРАИМК. 4, 290–301.

Журавлев О.П. 1987: Остеологические данные и история животноводства в Нижнем Побужье в античное время // Методы естественных наук в археологии / В.И. Бидзиля (ред.). Киев, 67–81.

Загинайло А.Г. 1966: Монетные находки на Роксоланском городище // МАСП. 5, 100–130.

Загинайло А.Г., Карышковский П.О. 1990: Монеты скифского царя Скила // Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы / Э.А. Дулуман (ред.). Кишинёв, 3–15.

Захаров А.А. 1928: Геммы и перстни Государственного Исторического музея // Тр. СА РАН. III. М.

Зозграф А.Н. 1951: Античные монеты. М.–Л. (МИА. 16).

Иванов Вяч.Вс. 1974: Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от аśva- «конь» // Проблемы истории языков и культуры народов Индии / Вяч.Вс. Иванов (ред.). М., 45–52.

Иссен А.А. 1947: Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л.

Иллюстрированный словарь 1996: Иллюстрированный энциклопедический словарь. Мифология. СПб.

Иштванович Э., Кульчар В. 1998: О верованиях, племенной принадлежности и хронологии сарматов Венгерской низменности // Античная цивилизация и варварский мир. Материалы VI археологического семинара. Краснодар, 9–14.

Кагаров Е.Г. 1913: Культ фетишей, растений и животных в Древней Греции. СПб.

Капошина С.И. 1950: Памятники звериного стиля из Ольвии // КСИИМК. XXXIV, 42–52.

Карышковский П.О. 1967: Заметки об Ольвии и Борисфене // ЗОАО. 1967. 2 (35), 75–90.

Карышковский П.О. 1986: О монетном искусстве догетской Ольвии // Проблемы древнего искусства Северо-Западного Причерноморья / Г.А. Дзис-Райко (ред.). Киев, 96–105.

Карышковский П.О. 1988: Монеты Ольвии. Киев.

Карышковский П.О., Клейман И.Б. 1985: Древний город Тира. Киев.

Клейман И.Б., Коциевский А.С. 1991: Геммы из Тире (Материалы к изучению культурных контактов) // Северо-Западное Причерноморье – контактная зона древних культур / В.П. Ванчугов (ред.). Киев, 95–99.

Коровина А.К. 1987: Перстни из некрополей Фанагории и Тирамбы // СГМИИ. 8, 66–88.

Книпович Т.Н. 1926: «Греко-персидские» резные камни Эрмитажа. III. Л.

Коваленко С.А. 1999: О монетном деле Херсонеса Таврического в позднеклассическую эпоху // Нумизматика и эпиграфика. М. XVI, 108–131.

Кореняко В.А. 2002: Происхождение скифо-сибирского звериного стиля // ССИА. 1, 131–188.

Коровина А.К. 1987: Перстни из некрополей Фанагории и Тирамбы // СГМИИ. 8 (Культура и искусство Боспора), 137–146.

Коростовцев М.А. 1957: Древнеегипетские находки в СССР // Вестник истории мировой культуры. М. 2, 132–144.

Коростовцев М.А. 1976: Религия древнего Египта. М.

Корпусова В.Н. 1983: Некрополь Золотое. Киев.

Кратівіна В.В. 1989: Залізний перстень з Ольвії // Археологія. 3, 106–108.

Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешко В.М. 1989: Сельская округа Ольвии. Киев.

Кубланов М.М. 1979: Новые погребальные сооружения Илурата // КСИА. 159, 90–97.

Кунина Н.З. 1997: Античное стекло в собрании Эрмитажа. СПб.

Кунина Н.З. 2000: Стекланные медальоны с рисунками из некрополя Пантикапея // Античное Причерноморье. Сборник статей по классической археологии. СПб., 186–191.

Латин В.В. 1978: Березань и проблемы генезиса античной северопричерноморской цивилизации // НА ИА НАНУ. Киев, фонд 24.

Латто-Данилевский А., Мальмберг В. 1894: Курган Карагодеуашх. СПб. (МАР. 13).

Латышев В.В. 1910: Неизданные горгиппийские надписи // ИАК. 37, 38–41.

Лейтунська Н.О. 1984: Ливарні форми з Ольвії // Археологія. 45, 68–74.

Лейтунська Н.О. 1988: Свинцеві вироби з Ольвії // Археологія. 63, 68–73.

Литвинский Б.А., Седов А.В. 1984: Культы и ритуалы Кушанской Бактрии. М.

Лосев А.Ф. 1957: Античная мифология в ее историческом развитии. М.

Максимова М.И. 1926: Античные резные камни Эрмитажа. Л.

Максимова М.И. 1937: Античные печати Северного Причерноморья // ВДИ. 1, 251–261.

Максимова М.И. 1956: Резные камни // АГСП. 231–237.

Максимова М.И. 1957: Боспорская камнерезная мастерская // СА. 4, 75–82.

Максимова М.И. 1962: Античные геммы и их оттиски на фрагментах глиняных сосудов // МИА. 103, 187–195.

Мартынов А.И. 1987: О мировоззренческой основе искусства скифо-сибирского мира // Скифо-сибирский мир. Кемерово, 45–51.

Марченко И.Д. 1956: Две литейные формы из Фанагории // МИА. 57, 160–163.

Марченко И.Д. 1956а: Материалы по металлообработке и металлургии Пантикапея // МИА. 57, 163–173.

Мелюкова А.И. 1969: К вопросу о границе между скифами и гетами // Древние фракийцы в Северном Причерноморье // МИА. 150, 61–80.

Миллер В.Ф. 1876: Значение собаки в мифологических верованиях. М.

Мирмекийский клад 2004: Мирмекийский клад. Новые открытия на Боспоре Эрмитажной археологической экспедиции. Каталог выставки. СПб.

Младенова Я. 1963: Предметы от стекла и алабастра от некрополя на Аполлония // Аполлония. Разкопките в некрополе на Аполлония през 1947–1949 гт. София, 307–309.

- Мушмов Н.А.* 1912: Античные монеты на Балканском полуострове. София.
- Назаров В.В.* 2001: Святилище Афродиты в Борисфене // ВДИ. 1, 156–171.
- Неверов О.Я.* 1971: Античные камни в собрании Государственного Эрмитажа. Л.
- Неверов О.Я.* 1973: Дексамен Хиосский и его мастерская // Памятники античного прикладного искусства. Л., 54–68.
- Неверов О.Я.* 1974: Группа эллинистических бронзовых перстней в собрании Эрмитажа // ВДИ. 1, 106–115.
- Неверов О.Я.* 1976: Античные инталии в собрании Эрмитажа. Л.
- Неверов О.Я.* 1976а. Портретные геммы и перстни из Северного Причерноморья // Труды Государственного Эрмитажа. XVII (Культура и искусство античного мира), 166–182.
- Неверов О.Я.* 1978: Изображения на геммах-печатах, металлических перстнях и амулетах // *Кобылина М.М.* Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н.э. М., 163–210.
- Неверов О.Я.* 1978а. Античные перстни (VI в. до н.э. – IV в. н.э.). Каталог выставки. Л.
- Неверов О.Я.* 1983: Геммы античного мира. М.
- Неверов О.Я.* 1983а: Фрагмент ахеменидского цилиндра из Херсонеса // Сообщения Государственного Эрмитажа. 49, 55–61.
- Неверов О.Я.* 1984: Металлические перстни и печати // Археология СССР. АГСП. 239–240.
- Неверов О.Я.* 1986: Металлические перстни эпохи архаики, классики и эллинизма из Северного Причерноморья (Опыт классификации) // Античная тореvтика. Л., 17–27.
- Неверов О.Я.* 1988: Античные камни в собрании Эрмитажа. Л.
- Неверов О.Я.* 2000: Оттиски печатей на керамических изделиях из Северного Причерноморья // Античное Причерноморье. Сборник статей по классической археологии. СПб., 24–45.
- Никулина Н.М.* 1964: Перстни из Фанагории // СА. 3, 128–137.
- Никулина Н.М.* 1969: К вопросу о «восточно-греческом» и «греко-персидском» искусстве (по материалам глиптики V–IV вв. до н.э.) // ВДИ. 3, 106–120.
- Никулина Н.М.* 1981: Керамическое клеймо с головой Афины из раскопок Фанагории // ВДИ. 4, 64–72.
- Никулина Н.М.* 1994: Искусство Ионии и ахеменидского Ирана. По материалам глиптики V–IV вв. до н.э. М.
- Онайко Н.А.* 1974: Заметки о технике боспорской тореvтики // СА. 3, 80–90.
- Онайко Н.А.* 1979: Об отражении монументального искусства в боспорской тореvтике // Проблемы античной истории и культуры. ТДК XIV международной конференции «ЭЙРЕНЕ». Ереван, 389–397.
- Орешников А.В.* 1891: Описание древнегреческих монет, принадлежащих Московскому университету. М.
- Островерхов А.С.* 1984: Образ птицы в ольвийской школе звериного стиля // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья / Г.А. Дзис-Райко (ред.). Киев, 62–77.
- Островерхов А.С.* 1985: Фаянсовые и стеклянные бусы в Скифии и Сарматии // ВДИ. 3, 92–109.
- Островерхов А.С.* 1990: Стеклянные уплощенные подвески из Ольвии // Проблемы археологии Северного Причерноморья. ТДК. Херсон, 2, 65–67.
- Островерхов А.С.* 1995: Борисфенівські Олімпіади // Київська старовина. 3, 117–127.
- Островерхов А.С.* 1996: Звериный стиль и античные города Северного Причерноморья // ВДИ. 2, 85–102.
- Островерхов А.С.* 1996а: Торговля стеклянными бусами на Юге Восточной Европы в скифо-античное время // Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи. Полтава, 363–369.
- Островерхов А.С.* 2005: Памятники звериного стиля из ольвийской и никонийской округ (конец VI – III вв. до н.э.) // ССИА. 2, 219–266.
- Островерхов А.С.* 2006: Античная стеклянная глиптика на юге Восточной Европы (VI–II вв. до н.э.) // ВДИ. 2, 131–154.
- Островерхов А.С.* 2006а: Рец.: *Ольговский С.Я.* Скифо-античная металлообработка архаического времени. Киев, 2005 // СППК. XIII, 152–182.
- Островерхов А.С.* 2007: Рец.: *Русяева А.С.* Религия понтийских эллинов в античную эпоху (Мифы. Святилища. Культы олимпийских богов и героев). Киев, 2005 // Археологія. 2, 92–102.
- Островерхов А.С.* 2008: Гідроархеологія, історична географія, гідроніміка Нижнього Подністров'я: досягнення, проблеми, перспективи. Одеса.
- Островерхов А.С.* 2009: Скляні медальйони і деякі питання ідеологічних уявлень населення Північного Причорномор'я у IV–III ст. до н.е. // Археологія. 3, 70–82.

- Островерхов А.С., Батизат Г.В.* 2002: Новые материалы к корпусу глиптики Тире // Северное Причерноморье в античное время. Киев, 114–120.
- Островерхов А.С., Отреико В.М.* 1986: Новый образец звериного стиля, найденный близ Ольвии // Памятники древнего искусства Северо-Западного Причерноморья. Киев, 61–66.
- Островерхов А.С., Отреико В.М.* 1994: Костяной амулет с поселения Чертоватое VII под Ольвией // ДП. КС ОАО, 107–115.
- Островерхов А.С., Охотников С.Б.* 1989: О некоторых мотивах звериного стиля на памятниках из собрания Одесского археологического музея // ВДИ. 2, 50–67.
- Островерхов А.С., Охотников С.Б.* 1996: Раннеантичные стеклянные геммы из Северного Причерноморья // Мир Ольвии. Киев, 165–169.
- Островерхов А.С., Охотников С.Б.* 1997: Бронзовый перстень раннеэллинистического времени из Тире // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Одесса, 227–231.
- Островерхов А.С., Охотников С.Б.* 1998: Портретный литик-скарабеоид из Никония // IV чтения памяти П.О. Карышковского. ТДК. Одесса, 1998, 53–54.
- Островерхов А.С., Охотников С.Б.* 2001: Глиптика Никония и его округа // Ольвия та античний світ. Матеріали наукових читань, присвячених 75-річчю утворення історико-археологічного заповідника «Ольвія» НАН України. Київ, 95–100.
- Островерхов А.С., Папанова В.А.* 2009: Новые материалы к корпусу ольвийской глиптики раннеантичного времени // СППК. XV, 117–121.
- Островерхов А.С., Редина Е.Ф.* 1991: Литик-скарабеоид из скифского кургана Мрецнута Могила. ТДК. Одесса, 159–161.
- Островерхов А.С., Охотников С.Б., Редина Е.Ф.* 1994: Материалы к корпусу раннеантичной глиптики из Ольвии // ТДК, посвященной 200-летию начала раскопок в Ольвии. Парутино, 15–16.
- Островерхов А.С., Субботин Л.В.* 2002: Божества Никония по случайным находкам культовых изделий // Северное Причерноморье: от энеолита к античности. Тирасполь, 254–268.
- Отрощенко В., Рассмакин Ю.* 1985: Скарби тринадцятого кургану // Наука і суспільство. 12, 49–53.
- Отрощенко В., Рассмакин Ю.* 1985а: До таємниць Геродотової Скіфії // Наука і культура. Киев. 19, 241–246.
- Охотников С.Б., Островерхов А.С.* 1993: Святилище Ахилла на острове Левке (Змеином). Киев.
- Охотников С.Б., Островерхов А.С.* 1993а: Скарабеоид с Березани // ДП КС ОАО, 69–74.
- Папанова В.А.* 2006: Урочище Сто Могил (некрополь Ольвии Понтийской). Киев.
- Петренко В.Г.* 1978: Украшения Скифии VII–III вв. до н.э. САИ. Д 4–5. М.
- Пиотровский Б.Б.* 1930: Семантический пучок в памятниках материальной культуры // ИГАИМК. 6, вып. 10, 1–22.
- Придик Е.М.* 1917: Инвентарный каталог клейм. Пг.
- Пушечевская Е.О.* 1955: Художественная обработка металла (торевтика) // АГСП. 325–355.
- Раевский Д.С.* 1985: Модель мира скифской культуры. М.
- Ростовцев М.И.* 1918: Эллинизм и иранство на юге России. Пг.
- Русяева А.С.* 1982: Античные терракоты Северо-Западного Причерноморья (VI–I вв. до н.э.). Киев.
- Русяева А.С.* 1990: Идеологические представления древних греков Нижнего Побужья в период колонизации // Обряды и верования древнего населения Украины. Киев, 40–61.
- Русяева А.С.* 1991: Понтийская легенда о Геракле: вымысел и реальность // Духовная культура древних обществ. Киев, 91–116.
- Русяева А.С.* 1992: Религия и культы античной Ольвии. Киев.
- Русяева А.С.* 2000: Культы и святилища в сфере политики демократических полисов Северного Причерноморья в раннеэллинистическое время // ВДИ. 3, 74–84.
- Русяева А.С.* 2005: Религия понтийских эллинов в античную эпоху. Киев.
- Русяева А.С., Русяева М.В.* 1996: Символика и художественные особенности монет Ольвии VI–V вв. до н.э. // Мир Ольвии. Памятник исследователю и исследование памятника. К 90-летию профессора Л.М. Славина / С.Б. Буйских (ред.). Киев, 179–182.
- Русяева А.С., Русяева М.В.* 1997: Символика та художні особливості монет Ольвії пізньоархаїчно-го та класичного часів // Археологія. 4, 29–37.
- Русяева А., Русяева М.* 1999: Верховная богиня античной Таврики. Киев.
- Рыбаков Б.А.* 1981: Язычество древних славян. М.
- Сапрыкин С.Ю.* 1986: Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический: Взаимоотношения метрополии и колонии в VI–I вв. до н.э. М.

- Секерская Е.П.* 2008: Археозоологические материалы некрополя Никония // *Бруяко И.В., Дзиговский А.Н., Секерская Н.М.* Никоний римской эпохи. Одесса, 203–208.
- Силантьева Л.Ф.* 1959: Некрополь Нимфея // Некрополи некоторых боспорских городов // МИА. 69, 123–144.
- Скржинская М.В.* 1977: Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев.
- Скржинская М.В.* 1986: Украшения и предметы туалета // Культура населения Ольвии и ее округи в архаическое время. Киев, 175–183.
- Скржинська М.В.* 1987: Антична гема із Ольвії // Наука і культура. Україна. Київ. 21, 78–81.
- Смирнов К.Ф.* 1959: Курганы у сел Иловатовка и Политотдельское Сталинградской обл. // МИА. 60, 206–322.
- Смирнов К.Ф.* 1964: Савроматы. М.
- Соловьев С.Л.* 2002: Некрополь Нимфея: аспекты погребальной практики населения ионийского полиса // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. СПб. 1, 98–105.
- Сорокина Н.П.* 1966: Стекланные перстни Прикубанья в собрании Государственного Исторического музея // Археологический сборник. Труды ГИМ. 40, 71–73.
- Сорокина Н.П., Сударев Н.И.* 2002: Способы обращения с телами погребаемых в некрополе Кеп // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. СПб. 1, 279–284.
- Субботин Л.В., Дзиговский А.Н.* 1990: Сарматские древности Днестро-Дунайского междуречья. Курганные могильники Васильевский и Кубей. Киев.
- Толстов С.П.* 1948: По следам древнехорезмийской цивилизации. М.–Л.
- Топоров В.Н., Мейлах М.Б.* 1992: Круг // Мифы народов мира. Т. 2, 18–19.
- Трейстер М.Ю.* 1984: Новые данные о художественной обработке металла на Боспоре // ВДИ. 1, 34–36.
- Трейстер М.Ю.* 1989: Матрица из Пантикапея (к вопросу о боспорской торевтике IV в. до н.э.) // Кочевники Евразийских степей и античный мир. Материалы 2-го археологического семинара. Новочеркасск, 89–101.
- Тураев Б.А.* 1911: Скарабеи с острова Березани // ИАК. 40, 79–89.
- Фармаковский Б.В.* 1911: Золотые набивки налучий (горитов) из Чертомлыцкого кургана и из кургана в м. Ильинцах. Сборник археологических статей, поднесенных А.А. Бобринскому. СПб., 121–144.
- Финогенова С.И.* 1978: Резные камни из раскопок Фанагории и Тирамбы последних лет // ВДИ. 2, 161–178.
- Финогенова С.И.* 2001: Группа бронзовых эллинистических перстней из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина // ВДИ. 2, 164–167.
- Фрейденберг О.М.* 1932: Тристан и Изольда в мифологемах Средиземноморья // Труды Института языка и мышления АН СССР. Л. 2, 88–128.
- Фрэзер Дж.Дж.* 1986: Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М.
- Фурманська А.І.* 1958: Ливарні форми з розкопок Ольвії // АП УРСР. 1958. VII, 40–60.
- Фурманська А.І.* 1963: Бронзоливарне ремесло в Ольвії // Археологія. 15, 58–73.
- Черников С.С.* 1965: Загадка золотого кургана. М.
- Членова Н.Л.* 1967: Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.
- Членова Н.Л.* 1993: О степени сходства компонентов материальной культуры в пределах «Скифского мира» // Петербургский археологический вестник. СПб. 7, 65–81.
- Чурсин Г.Ф.* 1929: Амулеты и талисманы кавказских народов. Махачкала.
- Цалкин В.И.* 1960: История скотоводства в Северном Причерноморье // МИА. 53, 7–109.
- Шауб И.Ю.* 2007: Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н.э.). СПб.
- Шевченко Т.М.* 2009: До інтерпретацій зображень бика на монетах Херсонеса // СППК. XV, 212–216.
- Шилов В.П.* 1975: Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.
- Штаерман Е.М.* 1975: Кризис античной культуры. М.
- Штаерман Е.М.* 1985: От религии общины к мировой религии // Культура древнего Рима. М., 1, 106–209.
- Штаерман Е.М.* 1987: Социальные основы религии Древнего Рима. М.
- Шульц П.Н.* 1953: Мавзолей Неаполя Скифского. М.
- Щапова Ю.Л.* 1983: Очерки истории древнего стеклоделия. М.
- Щедровицкий Д.В.* 1992: Шедим // Мифы народов мира. Т. 2. М., 641.
- Щербакова В.С.* 1981: Изображение Ники на античных печатях из Херсонеса // КСИА. 168, 63–67.

- Щербакова В.С.* 1983: Геммы с изображением Гермеса из херсонесских находок // КСИА. 174, 86–91.
- Щербакова В.С.* 1986: Античные печати Херсонеса как исторический источник. Автореф. дис. ... канд. истор. наук. М.
- Эдаков А.В.* 1990: К вопросу о культурных связях Египта со Скифией // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. ТДК V семинара. Ростов-на-Дону, 7–8.
- Яйленко В.П.* 2006: Посвятительные граффити Пантикапея и округи // Древности Боспора. М., 9, 355–428.
- Beazley J.D.* 1920: The Lewes House Collection of Ancient Gems. Oxf.
- Boardman J.* 1975: Intaglios and Rings. L.
- Buisikh S.* 2000: Das Achilleus-Heiligtum in der Chora von Olbin Pontica aus archaischer Zeit // Problemi della chora coloniale dall'occidente al Mar Nero. Taranto, 65–68.
- Burford A.* 1974: Craftsmen in Greek and Roman Society. Ithaca.
- Burkhalter F.* 1979: Place de la toreutique alexandrine dans l'économie lagide: sources papyrologiques. Bronzes hellénistiques et romains. Tradition et renouveau. Actes du V-e colloque international sur les bronzes antiques. Lausanne, 69–85.
- Canarache V.* 1957: Monetele scitilor din Dobrogea // SCIV. 1, 124–167.
- Charbonneaux J.* 1958: Sur la signification et la date de la tasse Farnese // Monuments et mémoires. Fondation E. Piot.
- Chochorowski J.* 1999: Rings with Panticapaecum Staters from the Great Ryzhanovka Barrow // Zapiski numizmatyczne. Kraków. 3–4, 31–41.
- Derooy L.* 1981: Linguistique et histoire du verre antique // Ann. du... CAIHV. 83–88.
- Diehle E.* 1967: Eine Gemme des Dexamenos // Berliner Museen. N.F., 42–46.
- Evans A.* 1898: The Athenian Portrait-Head by Dexamenos of Chios // RA, 233–238.
- Furtwängler A.* 1900: Die antiken Gemmen. 1–3. B.
- Haevernick Th.E.* 1968: Doppelköpfe // Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Rostock. Rostock. 7/8, 647–652.
- Haevernick Th.E.* 1969: Hellenistische Glasfingerringe // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. Mainz. 16, 175–182.
- Head B.V.* 1911: Historia Nummorum. Oxf.
- Hess A.* 1906: Griechisch Münzen. Frankfurt am Main.
- Hirsch J.* 1903: Griechischer und römischer Münzen: Auktions-Katalog. München.
- Jenkins G.K.* 1990: Ancient Greek Coins. L.
- Jones J.M.* 1998: Dictionary of Ancient Greek Coins. L.
- Keller O.* 1909: Die Antike Tierwelt. Lpz. 1.
- Kibaltchich T.W.* 1910: Gemmes de la Russie Meridionale. Mars.
- Lippold G.* 1923: Gemmen und Kameen des Altertums und der neue Zeit. Stuttgart.
- Marschall F.H.* 1907: Catalogue of the Finger Rings Greek, Etruscan and Roman in the British Museum. L.
- Mely F. de.* 1902: Les Lapidaires de l'antiquité. III. P.
- Naukr.* 1886: *Petrie Flinders W.M.* Naukratis. Pt I. L.
- Neverov O.* 1981: Die Sammlung Etruskischer Glyptik in der Ermitage // Studi Etruschi. XLIX (III), 67–91.
- Neverov O.J.* 1995: Les bagues et les pierres gravées provenant de Nymphaion // Archeologia. Warszawa. XLVI, 71–75.
- Nilsson M.P.* 1974; 1976: Geschichte der griechischen Religion. München, 1–2.
- Panofka T.* 1852: Gemmen mit inschriften in den Königl. Museen zu Berlin, Haag, Kopenhagen, London, Paris, Peterburg und Wien. B.
- Reinach S.* 1912: Répertoire de reliefs Grecs et Romains. P.
- Schlerath B.* 1954: Der Hund bei den Indogermanen // Paideuma. 6.
- Tier- und Pflanzenbilder 1889:* Tier- und Pflanzenbilder auf Münzen und Gemmen des Klassischen Altertums. Lpz.
- Treister M.* 2000: Classical Motifs in the 4th Century BC Toreutics in North Pontic Area (The Ways of Style Transfer in Toreutics) // Civilisation grecque et cultures antiques périphériques. Hommage à Petre Alexandrescu 70e anniversaire / A. Avram, M. Bades (eds.). Bucarest, 88–110.
- Vickers M.* 1979: Scythian Treasures in Oxford. Oxf.
- Walters H.B.* 1926: Catalogue of the Engraved Gems and Cameos Greek, Etruscan and Roman in the British Museum. L.
- Zgusta L.* 1955: Personennamen griechischer Städte der nordlichen Schwarzmeerküste. Praha.

MATERIALS FOR THE CORPUS OF GLYPTICS OF OLBIA PONTICA (6th – 1st c. BC)

A.S. Ostroverkhov

The article presents a brief survey of pre-Roman Olbian glyptics. The objects include metallic and stone finger rings, stone and glass gems. There are a number of offprints of gems and finger rings on ceramics. Intaglios are predominant in the period. Cameos appear in the late Classical – early Hellenistic time. Stylistically the objects are divided into «Eastern Greek» and «Greco-Persian», but without a strict distinction. Gems and rings, especially in the Archaic period, were partly brought from the metropolis. In the Classical and Hellenistic periods a considerable number of metallic rings, stone and glass gems were made in North Pontic workshops, including the Olbian ones. Consumption of glyptic art objects in Olbia was of the same level as on the Bosphorus, in Chersonesus Taurica and the cities of Eastern and Western Pontic area. The study of glyptics makes it possible to study the cultural and economic development of Olbia with greater precision.